

Н.Н.ИОАНИДИ

ГРЕКИ В АБХАЗИИ

Н. Н. ИОАНИДИ

ГРЕКИ В АБХАЗИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗСКОЙ АССР

СУХУМИ . АЛАШАРА . 1990

Научный редактор доктор исторических наук Ю. Н. Воронов

ИОАНИДИ Н. Н. Греки в Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. — 88 с.

В настоящей работе впервые в советской историографии исследована история и роль греческого населения Сухумского округа — Абхазской АССР в XIX—XX вв. Приводятся данные о депортации 1949 г., рассказывается о возникновении и задачах Всесоюзного общества советских греков (ВОСГ), о возможных путях сохранения советских греков как этнического целого.

ВВЕДЕНИЕ

«Черные дыры» и «белые пятна», как определения нашего познания, только совместно могут охарактеризовать степень неизученности истории греческого населения Абхазской АССР последнего столетия. Их история — «белое пятно», социально-национальное положение, известность действительной их истории гражданам страны — «черная дыра». Речь не только о том, что известно или что не известно обществу о советских греках, суть трагедии в том, что и сами советские греки теряют представление о своем месте в мире, среди народов нашей страны. Причина заключается не только в запретности темы, хотя это имело и имеет место, но более всего в том, что сложилась система взглядов так называемых национальных историков, отличающаяся тем, что в их «исторических трудах» исчезает, а во многих уже исчезла подлинная история.

С обоими факторами пришлось столкнуться при подготовке настоящей работы. Отсутствуют или точнее недоступны многие документы и фактографические данные о самых сложных и трагических моментах современной истории советских греков, а в опубликованных работах, чем они ближе к сегодняшнему дню, все меньше данных о существовании такого народа, о его вкладе в местную историю и культуру. Не касаясь случаев «скромного» умалчивания о печальных событиях, имевших место, и откровенного игнорирования фактов вообще, все же должен отметить, что умалчивание или игнорирование имевших место событий нанесло ущерб не только советским грекам, но и всем народам, среди которых проживали греки, нанесло ущерб их сознанию, их представлению о мире вообще, о добре, милосердии и справедливости в частности. События, равнозначные многочисленным депортациям сороковых годов, исковеркали душу не только пострадавших народов, но и людей всех национальностей, видевших или хотя бы

знавших об этом. Духовный, моральный ущерб велик, и он во многом определяет трудности начинающегося перехода к правовому государству.

«Белое пятно» в истории страны, составной частью которого является история греческого населения Абхазской АССР, становится нетерпимым уже не в смысле академической неизученности, а в самом что ни на есть прикладном смысле. Потерянная история уже сказалась на психическом складе людей, виновных по национальному признаку и еще полностью не реабилитированных. Историческая справедливость — лучшее лекарство от национальной ущемленности.

Объективные условия ранее не позволяли заняться изучением, увы, достаточно трагической судьбы советских греков, проживающих в Абхазской АССР. Не считая того, что сама мысль о публикации работы, посвященной последним десятилетиям истории и жизни советских греков в Абхазской АССР, еще несколько лет назад, всего два-три года, казалось недопустимой, приходилось считаться с закрытостью материалов. Если даже сегодня автор — работник государственной архивной службы страны, после начавшегося рассекречивания архивных документов вынужден жаловаться на нехватку фактографических данных, то что можно было сказать несколько лет назад? В процессе работы выяснилось, что даже установить действительную численность национальных групп часто бывает затруднительно и поиск превращается в своеобразный историко-статистический детектив и это при наличии опубликованных материалов Всесоюзных переписей.

Настоящая работа посвящена истории греческого населения Абхазской АССР за период XIX—XX вв. Сложность национального вопроса, искажение ленинских идей по национальному вопросу поставили ряд ограничений, которые вместе с заданным объемом работы и сроком ее исполнения вынудили не рассматривать за самым крайним исключением историю абхазского народа и других народов Абхазии, ограничиваясь историей только греческого населения, что конечно снижает уровень познавательной ценности работы. Желающих совместить историю советских греков с конкретным историческим фоном отсылаю к многочисленным работам по истории Грузии и Абхазии. При всей спорности избранного пути — это единственная реальная возможность вместить в ограниченный объем работы все многообра-

зие событий жизни небольшой национальной группы людей — греков Абхазской АССР.

Несмотря на упомянутые ограничения, все же автор счел целесообразным включить очерк о древних связях территории Абхазии с греческим миром, без этого сложно понять, почему в наибольшей степени греки чувствовали себя именно в Абхазии как на родине.

В работе есть ряд серьезных пробелов, возникших из-за отсутствия или недоступности источников. Этим определяется сама форма работы — очерки. Каждый из них освещает отрезок истории греков Абхазии, обеспеченный документальной базой, и в то же время практически самостоятелен. Некоторые проблемы вызваны наличием довольно многочисленного количества работ, ошибочно, на взгляд автора, трактующих историю региона, а опровергающих их документов недостаточно для полностью обоснованного документального опровержения. Видимо, можно считать доказанным, что полностью осветить историю греков в Абхазии, да и вообще любого народа, можно только написанием истории, основанной только на фактах, всех фактах без исключения и деления их на полезные и вредные. Историей, если она наука, должна быть беспристрастна и ни в коем случае не должна служить политическим или иным интересам тех или иных групп.

Далее, достаточно мощный пресс имеющихся публикаций по истории региона, фактически исключающих советских греков из участия в революционном процессе и социалистическом строительстве, требует как можно большего документального обоснования противоположной им точки зрения, что и вызывает насыщенность работы цитатами и ссылками на первоисточники.

В сложных условиях нерешенности многих сторон вопроса межнациональных отношений и недостаточной изученности истории греческого населения Абхазской АССР, особенно взаимосвязей в культурной, социальной, политической жизни края в последние десятилетия, автор в значительной степени отказался от личных документов (дневников, записей, воспоминаний), сделав исключение для писем как документов, отражающих само время, как первую реакцию одиночного субъекта истории на событие. В силу спорности и возможности разнопланового толкования личных документов предпочтение отдается сведениям, поддающимся проверке по другим источникам — официальным документам, ли-

тературе, написанной до возникновения споров в рассматриваемой области.

Последнее, автор приложил массу усилий для поиска доброго и светлого в истории советских греков и будет очень благодарен всем, кто поможет увеличить позитивность исторической оценки последних десятилетий истории и жизни советских греков.

Список наименований фондов, цитируемых в работе

- Ф. 1 — Центральный Исполнительный Комитет Абхазской АССР
- Ф. 2 — Совет Министров Абхазской АССР
- Ф. 79 — Редакция газеты «Коммунистис»
- Ф. 201 — Президиум Верховного Совета Абхазской АССР
- Ф. 932 — Коллекция документов «Деятели культуры Абхазской АССР»
- Ф. 1-И — Сухумская епархиальная канцелярия
- Ф. 2-И — Сухумское епархиальное церковное Александра Невского братство
- Ф. 3-И — Сухумское городское полицейское управление
- Ф. 4-И — Сухумская городская управа
- Ф. 8-И — Сухумская таможня
- Ф. И-27 — Инспектор народных училищ Сухумского округа Кутаисской губернии
- Ф. И-58 — Сухумское окружное управление

О черк 1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Начало освоения эгейским миром берегов Черного моря, по мнению большинства исследователей, относится к VIII в. до н. э. И хотя можно предположить по мифам значительно более раннее знакомство с побережьем Понта Эвксинского (например, Евстафий передает: «Харак рассказывает, что аргонавты вошли в Эвксию не на одном корабле, как говорят общепринятые предания об Арго, а на многих судах, и что некоторые из них сбились с пути; на одном из этих кораблей были возницы Тиндаридов, т. е. Диоскуров, от которых и получили название племена Иннохи и Тиндариды, да и сама страна Диоскуриады, находящаяся в углу Эвксиона, т. е. в самом конце пути из Колхидского Трапезунда...» — 1, с. 134), все же наиболее верно на территории Абхазской АССР датировать появление первых переселенцев и возникновение первых колоний началом VI в. до н. э.

Постепенно, отходя от мифических преданий, сведения о древнегреческих поселениях становятся более подробными (2, с. 36—68; 3, с. 247—258). Особое внимание античные авторы уделяют Диоскуриаде, о которой в начале нашей эры географ Страбон писал: «Эта же самая Диоскурия служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи; сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, даже 300; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая меж собой в сношения вследствие самомнения и дикости. Большая часть их принадлежит к сарматскому племени и все они называются кавказцами. Вот что можно сказать о Диоскурии» (1, с. 222). Ближайшими к Диоскуриаде греческими поселениями были на востоке Гюэнос и на западе Питиунт. Расстояние (60—70 км морского пути) между осваиваемыми территориями, т. е. между полисами, определя-

лось, помимо возможностей самого заселения, отсутствием или малочисленностью коренного населения, природными условиями и т. д., близкой опорой на тылы — другой более сильный или возникший ранее полис. Судя по всем имеющимся данным, греческая торговля на берегах Абхазии, возникнув очень рано, никогда не достигала размеров торговой деятельности Херсонеса и Пантикапея, и можно предположить с достаточной долей вероятности, что велась она по типу ярмарочной, т. е. от случая к случаю. Идущие южным маршрутом суда, как правило, далее Диоскуриады или Питиунта не шли, так как, по словам Диона Кассия, далее лежали «земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь был затруднен вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости ее обитателей» (1, с. 615). И если впоследствии и были налажены регулярные связи Таврии с Диоскуриадой, о чем достаточно достоверных сведений пока не имеем, то продуктом Крыма была соль. Страбон писал: «Живут там народы, которые, как я сказал, сходятся в Диоскурию, сходятся же главным образом для покупки соли...» (1, с. 147).

Диоскуриада, не достигая размеров и значения Пантикапея и Херсонеса, все же была значительным торговым центром, обеспечивая не только местные нужды региона, а они не могли быть большими, но и транзитную торговлю через перевалы Главного Кавказского хребта с народами Северного Кавказа и далее по пути, который впоследствии назовут «шелковым». Такое положение Диоскуриады обеспечивало ввоз оружия, соли, тканей, вина, предметов роскоши и т. д. и вывоз кож, воска, ценных пород леса, рабов. При всем весьма существенном значении Диоскуриады — крайней восточной точки южного пути греков по побережью Черного моря — она, видимо, до рубежа тысячелетий была небольшим и провинциальным полисом, обладавшим тесными дружескими связями с местным населением, что подтверждается наличием эллинского сельского населения, живущего на расстоянии порядка 10 км от самой Диоскуриады (Эшера).

Археологические изыскания последних десятилетий выявили на территории Абхазии, в том числе и в горных долинах, выразительные следы присутствия греческих колонистов: многочисленную импортную тарную, столовую и кухонную посуду, вооружение, украшения. В Гиеносе (Очамчире) раскопана деревянная усадьба

VI в. до н. э., в которой обитали колонисты. Кладбище Диоскуриады уже в V веке было украшено великолепными мраморными надгробиями, которые вывозились из Греции. В эллинистическую эпоху строились монументальные античные храмы, резные детали которых (колонны, карнизы и др.) обнаружены на территории Сухума и Эшеры. Интересна и терракотовая скульптура богини Деметры, украшавшая один из домов Диоскуриады. В городах широко была распространена греческая письменность.

Войны Митридата с Римом затронули и Диоскуриаду (Митридат незадолго до гибели зимовал в ней). Ослабленная, она была разрушена и затем восстановлена римлянами уже под названием Себастополис. Правитель римской провинции Каппадокии Флавий Арриан по поручению императора Адриана совершил путешествие по побережью Колхиды, результатом которого стал перипл (подробное описание маршрута плавания), в котором говорится, что прибыв в Диоскуриаду, которая была основана, как писал Арриан, милетскими греками, после полудня, он успел в тот же день раздать жалование войску, осмотреть больных, лошадей, оружие и житницы, посмотреть упражнения всадников (1, с. 223). Отсюда следует, что около 134 г. (время путешествия Арриана) Диоскуриада — Себастополис продолжала сохранять значение важного форпоста античной, в первую очередь, эллинской культуры на побережье.

В первых веках н. э. Себастополис уступает первенство Питиусу Великому, и о нем нет определенных упоминаний ни в IV, ни в V веках. Но уже в VI в. Прокопий Кесарийский (4, с. 249), называя его «крепостницей», затем сообщает о широкой застройке города по инициативе Юстиниана I, а в VII веке в источниках сообщается о «Великом Себастополисе». Нужно отметить, что подъем и упадок греческих городов на побережье современной Абхазии связаны с внешнеполитическими факторами, и хроники очень редко говорят о конфликтах с местным населением.

Длительность и стабильность существования греческих колоний на берегах Черного моря объясняется внутренними особенностями развития рабовладельческого общества Греции и затем Рима. Характеризуя причины эмиграции, К. Маркс писал: «В древних государствах, Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства, коло-

ний, составляла постоянное звено в общественной цепи... Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция» (5, с. 278).

Куда уходили поколение за поколением грекоязычные жители Диоскуриады—Сébastополиса и других приморских пунктов Абхазии? По трем путям—благополучно отжив свои срок, находили покой на местных кладбищах, переселялись в другие города и расселялись, в дальнейшем ассимилируясь, среди местных племен. Об этом красноречиво говорит свидетельство Проккопия Кесарийского, который писал в отношении Абхазии, что посылаемые сюда императором воины, «расселившиеся среди них (абасгов—Н. И.) во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям римской империи» (6, с. 400). Их потомки живут и сегодня среди нас.

Далее, до XI в. Сébastополис изредка упоминается в хрониках, а во второй половине того же века грузинская летопись «Картлис цховреба» сообщает, повествуя о нашествии арабского полководца Мервана Кру в 736 г., новое название города—Цхум (7, с. 140). На итальянских картах XIV—XV вв. на месте Диоскурии—Сébastополиса—Цхума фигурирует генуэзская фактория под итальянизированными названиями, в которых отражается прежний Сébastополис: Севастополис, Саностополи, Сканосколполи, Сант-Сébastьян, Севаст (2, с. 108). Пицунда же до сегодняшнего дня сохранила в своем наименовании древнегреческую основу. И. А. Джавахишвили приводит свидетельство существования в середине XV в. дружеских, скорее союзнических, связей между Трапезундским императором Давидом и владыкой Абхазии Рабиа—«герцогом абхазским» (7, с. 143). Подтверждают эти связи греков южного берега Черного моря с населением Абхазии и находки монет Комненов (8, с. 94).

С переходом власти над нынешним Черным морем к османам Цхум беднеет и, поскольку «турецкая торговля, производившаяся в значительной мере через посредничество греков, французов и итальянцев...» (7, с. 143), была односторонней, город утратил ту базу, на которой он вырос и процветал. Но лишь в 1724 году турки окончательно обосновались уже в Сухум-кале (2,

с. 114), где сооружают на развалинах византийской турецкую крепость и размещают в ней свой гарнизон.

Французский консул М. Пейсонель в середине XVIII в. писал о Сухуме следующее: «Небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда, всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится 3 000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар, под командованием двухбунчужного паши» (8, с. 143—144).

Вхождение Абхазии в состав Российской империи мало изменило положение Сухум-кале, и даже придание ему статуса города-порта в 1847 г. не превратило его в заметный центр. По «ведомости о народонаселении в Анапе, Новороссийске и Сухуме» (1845 г.) в последнем было 186 постоянных невоенных жителей исключительно мужского пола, в том числе 155 «российскоподданных» (мегрелов и имеретин) и 31 «турецкоподданный», среди которых могли быть и трапезундские греки (9, с. 162—163). В начале 50-х годов XIX в. числилось 152 сухумских обывателя (в том числе 10 женщин), из которых 19 иностранноподданных (6 женщин), 3 священнослужителя, 12 дворян, 14 чиновников, 18 купцов, мещан и посадских, 85 крестьян, 1 отставной солдат. Если исходить из числа рождений (12) и браков (11), нужно думать, что женщин было больше 10; видимо, жены офицеров не учитывались как невоенные жители Сухума (10, с. 369—370).

Короткий перечень фактов не может отразить все многообразие прошедших за более чем два тысячелетия событий взаимной истории населения древней Абхазии и жителей эллинских городов-полисов. Но из всей череды сохранившихся достоверных фактов следует выделить религию. В первых веках н. э. на рубеже тысячелетий на территории Абхазии получили распространение (степень распространения мало изучена) религиозные верования греко-римского мира среди городского населения, причем было неизбежно частичное проникновение их в местную среду. На это указывают находки амулетов с греческими надписями (Аацы, Цебельда и др.).

Проникновение христианства, возникшего в I в. н. э. вследствие глубокого политического и хозяйственного

кризиса в восточной части Римской империи, как религия рабов и угнетенных (11, с. 3), на территории Абхазии церковные мифографы связали с апостольской деятельностью в середине первого столетия н. э., однако документально присутствие христиан на территории Абхазии может быть подтверждено с конца III — первой четверти IV в. и не только среди населения позднеантичных центров, но и среди окрестного населения, поскольку «христианство не ограничивалось в нем — имея в виду Питиунт, — замкнутой средой гарнизона. Оно не могло не получить более широкого распространения среди местного населения города и тяготевшей к нему округи. В противном случае здесь не была бы учреждена епархия» (12). Вне зависимости от того, кто именно обращал жителей региона в христианство, можно утверждать, что создание кафедры в Питиунте и участие епископа Питиунта с греческим именем Стратофил в первом Вселенском соборе в 325 г. в городе Никее отражает несомненный факт истории, говорящий о значительном распространении (через посредство греков) христианства в Абхазии. Нужно отметить, что Питиунтская епархия тогда подчинялась Полемоновскому Понту. В нашу задачу не входит подробное рассмотрение истории христианства в Абхазии. Для подтверждения непрерывности и значительности (минимум 2,5 тыс. лет) связей автохтонного и греческого населения исторической Абхазии достаточно того, что с момента возникновения на ее территории христианских храмов и по X в. исключительно, а с XI по XV века эпизодически богослужение здесь велось на греческом языке, что связи с Византией не заключались только в наличии ее войск на территории Абхазии, а выразили себя во всех сферах местной истории, образовав сложный мир взаимодействия культур, языков, генов, внеся кавказский элемент в историю греков и греческий — в историю Кавказа, образовав общие разделы их истории.

Двухтысячелетнее присутствие эллинских поселений, влияние Византии подтверждаются громадным количеством памятников материальной и духовной культуры (13; 14; 15). Памятники архитектуры — церкви, крепости, предметы быта, роскоши, оружие и многое другое отражают многовековые, в буквальном, а не рекламнопропагандистском смысле этого слова, связи народов Черноморского побережья с греческим миром. В свою очередь народы, населявшие Причерноморье, внесли свой вклад в формирование греков-пантийцев.

Следы взаимных связей, несмотря на прошедшие столетия, названия и имена, оставили в людях ощущение древнейшей взаимной приязни, сохранили память о сходстве природных условий, что в значительной степени обусловило тот факт, что и последняя волна переселенцев ощутила себя в Абхазии как на родине.

Сухость и прерывистость очерка объясняется, в основном тем, что автор не использует наиболее полные и подробные работы последних лет в силу их большой идеологизированности. Не являясь специалистом по истории Древнего мира, археологии и ряда других, относящихся к древней истории, дисциплин, в силу этого не имея возможности дать самостоятельный анализ по археологическим находкам и не желая использовать чужие выводы, часто вытекающие не из самих событий прошлого, а из политических концепций, идеологических и национальных заказов, автор ограничил круг исторических источников, оставив те, в которых, как ему кажется, ошибки являются ошибками, т. е. следствием незнания, а не средством достижения внеученных целей.

1. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1906 гг. Т. 1, р. 1.
2. Воронов Ю. Н. Диоскуриада—Себастиополис—Цхум. М., 1980.
3. Яценко В. П. Греческая колонизация VII—VI вв. до н. э. М., 1932.
4. Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. М., 1937, № 4.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Вынужденная эмиграция. Соч. Т. 9.
6. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1950.
7. Соловьев Л. Н. Диоскурия—Себастиополис—Цхум // Труды Абгосмузея, вып. 1, 1947.
8. Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних // Известия Абхазского научного общества, вып. IV. Сухум, 1926.
9. Олонетский А. А. Сухум в первой половине XIX столетия // Труды Абгосмузея, вып. I. Сухум, 1947.
10. Кавказский календарь. Тифлис, 1853.
11. Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. М., 1976.
12. Мацулевич Я. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // Вестник древней истории. М., 1956, № 4.
13. Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. Сухум, 1960.
14. Трапш М. М. Труды. Т. 1—4. Сухум, 1969—1975.
15. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухум, 1969.

Очерк 2. ГРЕЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА СУХУМА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Следствием войн: Крымской 1853—1856 гг. и русско-турецкой 1877—1878 гг., первой мировой и гражданской, вызвавшими гибель и эвакуацию архивных документов, объясняется малая сохранность документов рассматриваемого периода вообще и о греках в частности.

В работах по истории республики в лучшем случае можно найти 2—3 упоминания о греках и несколько фамилий периода Великой Октябрьской социалистической революции. Причина этого, видимо, в том, что в годы культа личности и периода застоя изучение истории народов, не вошедших в официальный правительственный «поминальник», мягко говоря, не одобрялось, не говоря уже о публикациях. Все это объясняет недостаточность и фрагментарность как настоящего очерка, так и остальных. Автору чаще приходится строить шаткие мостики и переходы между разновременными архивными документами и прибегать к догадкам, чем утверждать что-то с определенностью, опираясь на подлинные документы и научные исследования.

Первое упоминание о греках — жителях г. Сухума в XIX в., обнаруженное автором, относится к первой четверти прошлого века. В ведомостях о церквях и приходах 2-го Сухумского благочиннического округа за 1911 г. читаем: «А церковь построена в 1821 г. тщанием грека Скардана из Микона, отремонтирована в 1865 г. и вновь отремонтирована и расширена в 1905 году» (1). Видимо, не ставя под сомнение дату, следует считать, что церковь была в 1821 г. восстановлена или сооружена на остатках древнего храма, так как по археологическим данным часть кладки характеризуется средневековым, что ни в коей мере не исключает факта наличия греческого населения г. Сухума в первой четверти XIX в. и, видимо, не столь уж малочисленного, как можно предполагать на основе данных «Кавказского календаря» 1853 г. Далее в документной фиксации греческого населения в г. Сухум-кале и его окрестностях

наличествует пробел в несколько десятилетий: документы этого периода полностью отсутствуют. Следующее упоминание отстоит от первого на 40 лет.

В документах Сухумской таможни за 1861 г. встречаем как поручателей за вывозимые грузы сухум-кальских купцов Панаета Метакса — 29 марта, Григория Ксандопуло — 9 мая и 15 июня Антона Папаантона; из 4 купцов, имеющих право зарубежной торговли, трое греческого происхождения (2). Учитывая, что для получения гильдейства было необходимо прожить несколько лет в данном городе, вполне вероятно считать, что указанные лица стали жителями г. Сухума не позже окончания Крымской войны 1853—1856 гг.

Подкрепляют приведенные сведения и документы нотариальной конторы, фиксирующие в 1864 г. П. А. Чапарова, в 1866 г. сухум-кальского потомственного почетного гражданина П. Г. Метакса и встречающегося далее неоднократно Азвестопуло Х. П. в 1867 г. (3), первой гильдии сухум-кальского купца С. И. Персопуло в 1873 г. и др. (4). Документы Сухумской городской полицейской управы подтверждают выделение участка под застройку С. Персопуло в 1864 г. Особенно многочисленны упоминания греческих фамилий в документах за 1868 г., что отражает не столько изменения в их количестве или приезд, сколько изменение в статусе города (5). В этот же период наблюдается резкое увеличение заявлений на вступление в русское подданство, хотя вполне допустимо, что это впечатление вызвано отсутствием сведений за более ранние годы. В Сухум-кале переселяются и греки из Крыма. Так, в 1870 г. керченский мещанин Панаэт Павлиди принимается в сухумские мещане; в том же году вступает в русское подданство живущий в Сухуме более 6 лет Ставро Яни, одновременно с ним вступает в русское подданство Яни Саввович Яхиопуло (Ахеопуло), 5 июля 1870 г. в русское подданство вступает живущий в Сухум-кале более 10 лет Иван Христофорович Иполитов и ряд других (6). Помимо индивидуальных вступлений в подданство России фиксируются и коллективные; так, в августе 1870 г. с просьбой о принятии в подданство обратились проживающие в России более 5 лет Георгий Попандопуло, Параскева Чиви, Михаил Яни, Левтер Мовидис, Яни Анатори (7).

Можно предположить, что массовое (по тем временем и при той общей численности населения) вступле-

ние в русское подданство вызвано «Правилами о приписании жителей Сухумского отдела из переселенцев не абазинского происхождения к окончательно-водворившимся...», в котором говорится: «1. Переселенцы не Абхазинского происхождения подразделяются на две категории. Принадлежащими к первой считаются те переселенцы, кои, поселившись в стране до 1 января 1863 года и состоя к 19 февраля 1871 года в русском подданстве, не оставляли с 1 января 1865 года своих мест жительства. Ко второй категории относятся те лица, кои вселились в страну после 1 января 1865 года, а также все вообще переселенцы, не состоящие в русском подданстве, когда бы они не поселились в стране» и далее. Все пребывающие в Сухумском отделе иностранцы подданные считаются временно-проживающими (8).

Значительную роль греческого населения в формировании г. Сухума подчеркивает и тот факт, что по списку купцов портового города Сухум-кале в 1870 г., имеющих право заграничной торговли, из 17 человек, 12 было греческого происхождения, в их числе единственный потомственный почетный гражданин города и два купца первой гильдии (из двух в городе вообще) (9). Нужно отметить, что получение потомственного почетного гражданства было связано, по законам Российской империи, не только и не столько с размерами капитала, а обязательно с исполнением государственной службы, следовательно, имевший это высокое звание уже в 1861 г. П. Г. Метакса мог получить его в пятидесятых годах XIX в., наиболее вероятно в период Крымской войны.

Фактом более раннего, чем после 1878 г., как трактуется в большинстве работ по истории Абхазии, проживания греческого населения (и не только в качестве моряков и торговцев) может служить получение 4-х десятин земли Николаем Авачкомиди в 1859 г. (10). При выборах в Сухумское управление в 1874 г. из 76 выборщиков-мещан греков — 29, или около 37%, из 26 купцов и купеческих детей — 12, или более 46%, из общего числа избирателей (102 чел.) греков — 40, или более 39%. При перенесении этого соотношения на всю численность жителей города Сухум-кале — 1161 человек — получится, что греков было 443 (11). Выборы проводились по императорскому указу от 17 ноября 1874 г. «О

введении городского управления» (12), депутатами были избраны Н. Метакса и К. Гугушвили.

Ограниченность примеров, которыми представлено греческое население, практически только купечеством объясняется тем, что другие категории граждан встречаются в документах лишь в виде исключения. Среди купечества греческого населения Сухум-кале весьма примечательна личность Христофора Павловича Авзестопуло, послужной список которого содержит пребывание на следующих выборных должностях: в 1868 г. ротман городской ратуши, с 1867 г. купеческий старшина и торговый депутат, городской депутат с 1872 г. по 1890 г. и с 1894 по 1897 г., когда заполнялось представление к награждению. Там же перечисляются его заслуги перед городом: организация освещения — установка 200 фонарей, устройство водопровода, давшего городу хорошую воду, устройство базара, осушение 4042 десятин заболоченных городских земель и создание городского запаса капитала — 20 тыс. рублей, что дает городу возможность ввести самоуправление, создать и содержать больницу, училище и т. д. (13).

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. тяжело отразилась на судьбе города Сухум-кале. Если в 1874 г. в городе проживало 1161 чел., то в 1878 г. только 210 (14). Высадка турецкого десанта и сопутствующие его уходу погромы и поджоги razорили город. Акт от 28 мая 1878 г. фиксирует следы разгрома и серьезную опасность эпидемии, так как отступавшие турецкие десантники, не успевая вывезти награбленное, перебили согнанный скот, бросив его на набережной. Принятые депутатом от города Ксандопуло меры позволили ускорить очистку города и предотвратить эпидемию. В состав комиссии вошли помимо руководящих военных и гражданских лиц, как представителей государства, депутат от города купец Ксандопуло и сухум-кальский мещанин Ягданджиди (15). Других представителей от города в составе комиссии не было.

Восстановление края и города протекало медленно и трудно. Трагическое переселение в Турцию значительной части абхазского народа, оставившего родные села, опустошило край, подорвало его экономику. На конец 1886 г. население Сухума составило 1367 чел., из них 472 — временно проживающих. По национальностям, без разбивки на постоянно и временно проживающих: русских — 310, грузин (мегрелов, имеретин, картвелов) —

168, армян — 300, абхазов и черкесов — 34, из них 20 — временно проживающих, т. е. вернувшихся махаджиров, греков — 499, поляков — 20, евреев — 36 (16).

Царские чиновники менее чем через год, уже 1 мая 1878 г., объявили, что земли, оставшиеся после выселения абхазцев, будут сдаваться в аренду, кроме того, русским переселенцам земли давались не в арендное пользование, а в собственность, причем, выделялось до 1,5 десятины. Начинаясь период колонизации Абхазии. Помимо русских поселений в 1879 г. был создан поселок немецких колонистов. Первые шаги были неудачными. Ни переселенцы, ни сам регион не были еще готовы к новым условиям жизни. Только по мере ликвидации последствий войны Сухумский округ вступает на путь капиталистического развития, начинает налаживаться сельскохозяйственное производство и усиливается приток переселенцев.

Массовое расселение греческого населения в сельской местности проявило себя в сооружении церквей в селах. Все они построены на деньги самих прихожан, и конечно, за какое-то довольно длительное время колебания составляют от 2 до 20 лет. Так, например, в с. Андреевском храм построен в 1897 г., в с. Георгиевском — в 1873 г., в с. Михайловское — в 1885 г., в с. Константиновском — 1891 г., в с. Павловском — в 1887 г., в с. Ольгинском — в 1883 г., в с. Александровском — в 1888 г., в с. Екатерининском каменная церковь строилась в 1899—1905 г. (17). Значительные колебания во времени сооружения культовых зданий говорят о том, что переселение не было однозначным актом. Кроме того, следует учесть, что во многих случаях каменным церквям предшествовали временные.

Сами условия аренды (причем первоначально краткосрочной) плюс навыки именно в табаководстве у армян и греков окрестностей Трапезунда и, конечно, природные условия края определили основную сельскохозяйственную культуру переселенцев — табак. Сложившихся в Абхазии условий (наличие свободных земель, вызванное эмиграцией населения в Турцию) было далеко не достаточно для быстрого заселения. Этому способствовали в первую очередь экономические предпосылки в самой Османской империи: усиление налогового обложения после войны 1877—1878 гг. и введение в основных табачных районах азиатской части Турции монополии французских табакоторговцев (18). Совокуп-

ность сложившихся условий и вызвала массовую эмиграцию греков-понтийцев на территорию Сухумского округа — нынешнюю Абхазскую АССР. Данные Сухумской епархиальной канцелярии помогают установить численность греческого сельского населения — 2 048 чел. на 18 марта 1888 г. (19). Тогда же установились основные зоны компактного расселения греческого сельского населения. В 1906 г. из 12 церковных приходов 4 благочиннического округа Сухумской епархии в 7 проживали только греки (20). Сельское греческое население формировалось несколькими путями: из старого населения города Сухума, переселенцами из Ставрополя (через нынешний поселок Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края; во второй половине 60-х годов — это, пожалуй, самые ранние сельские жители греческого происхождения), Крыма и территории азиатской части Турции. Компактность расселения, исключительно сильная религиозность и незнание русского языка ставили подавляющее большинство сельского греческого населения Абхазии в полную зависимость от информации, передатчиками, в зачатую и создателями которой были священники и торговцы. Способствовало этому и то, что переселенцы из Турции были выходцами из районов, не относящихся к политически и социально развитым. Такое положение определило место греческого населения в начинающихся социальных потрясениях начала XX века. Расслоение греческой общины шло не только по линии «бедный-богатый», но и по получившим русское подданство и не получившим таковое; внутри получивших: на постоянно и временно проживающих; имеющих русское или греческое образование. Существовало и подразделение по языку; объединяющим (особенно в первые десятилетия) нерусское население Сухумского округа был турецкий язык. У части общины, у тех, кто переселился совсем недавно и не имел прав постоянно проживающих, существовало чувство временности проживания в Абхазии, как промежуточном пункте по пути домой, что поддерживалось определенными кругами греческой общины. У переселенцев не успевало сформироваться чувство сопричастности со всеми явлениями жизни в стране, поскольку 15—20 лет, при отсутствии полноценных прав гражданина, не могли породить это чувство. Несколько иное положение сложилось у тех, кто пользовался не только всеми правами русского подданства, но и правами постоянного

проживания. Они в силу исторических причин (прорываются сильнейшие!) относились к самой состоятельной части жителей Сухумского округа и, заботясь о сохранении и закреплении сложившегося положения, совсем не были заинтересованы в поддержании революционных настроений и, в силу указанных выше причин, могли весьма эффективно направлять в нужную сторону политические настроения греческой общины.

В конце XIX в. на территории Сухумского округа табаководством занимались преимущественно выходцы из Малой Азии. Вот как оценивали их вклад представители деловых кругов: «В 1884 г. на заседании Кавказского общества с/х при обсуждении доклада Пургинбекова один из членов общества табачный фабрикант А. Энфианджянц прямо указывал, что «было чрезвычайно полезно для нашего табаководства давать некоторые льготы... турецким выходцам, которые бы пожелали усиленно заняться у нас этим делом...» (22).

В марте 1905 г. на заседании этого же общества высказался ряд крупнейших фабрикантов, которые единодушно указывали на совсем не «случайный» характер переселения на побережье выходцев из-за границы. Директор табачной фабрики «Мир» Р. И. Такиелов заявил, что «с уходом из Черноморского побережья плантаторов... нам, фабрикантам, негде будет покупать в России высшие сорта табаков». То же подтвердил и А. А. Энфианджянц: «Мы, фабриканты, до прихода этих переселенцев на Черноморское побережье обращались в Турцию». Абхазский помещик князь Шервашидзе, отражая настроение крупнейших землевладельцев побережья, достаточно откровенно признался, что «до прихода к нам выселившихся из Малой Азии армян и греков земли наши пустовали; они нам не давали никакого дохода... и, вдруг, в то время, когда мы не знали, что делать с нашими землями, к нам являются армяне и греки. Можно сказать, что они попали к нам как манна с небес» (23).

Разумеется, помещики и фабриканты говорили о своей выгоде, но этим они оценивали и вклад переселенцев в развитие края.

Революционные события в России 1905—1907 гг. вызвали у греческой общины своеобразную реакцию. Будучи, как уже отмечалось, несколько оторванными от классовых интересов пролетариата страны, они как целое не принимали участия в революции, что не помеша-

ло наиболее состоятельному слою общины воспользоваться ее первыми успехами, прежде всего в целях увеличения своего влияния на членов диаспоры и отмежевания «своих» тружеников от трудящихся других национальностей. Облегчалось это компактным расселением сельского населения и практическим отсутствием промышленного пролетариата среди городского греческого населения. Столетия проживания христиан-греков в мусульманской Турции, когда религия, церковь играла не только духовную роль, но и заменяла государственность (в какой-то мере давая социальную защищенность и безраздельно господствуя в духовно-эмоциональной сфере жизни, т. е. являясь Родиной, Родиной именно с большой буквы) обеспечили церкви исключительное влияние на умы всех греческих общин понтийцев, в том числе и Сухумского округа.

Сила революционного воздействия событий 1905—1907 гг. была однако такова, что даже при практически полном господстве в материальной сфере своих же торговцев-греков, а в духовной — церкви, греческим населением Сухумского округа был сделан значительный шаг вперед. Конкретно это выразилось в том, что буржуазия греческой общины, уже создавая свой политический центр — Сухумское эллинское общество — обратилась в Сухумскую городскую управу и к Сухумскому епископу с просьбой разрешить им выстроить школу и церковь на свои (общественные) деньги. Датой организации общества можно считать дату общего собрания, на котором был принят устав Эллинского Новороссийского общества — 9 апреля 1906 г. (24). Школа была построена к 4 октября 1909 г., а просьба о начале строительства церкви датируется 9 марта 1911 г. Это говорит о том, что вопросы просвещения были поставлены выше религиозных. Конечно, здесь сыграло свою роль недостаточное количество средств у общества на одновременное строительство двух объектов, но немалую роль, видимо, играло и осознание необходимости обучения детей на родном языке, диктовавшееся потребностями национального самосознания. Строительство церкви было завершено к 18 декабря 1915 г. (25). Она вступила в строй действующих в начале 1917 г., когда было получено разрешение правительствующего синода. Школьное здание, выстроенное на средства греческой общины Сухумского округа, по тем временам относилось к крупнейшим школьным зданиям города: раз-

меры двухэтажного здания были примерно 26 м на 20 м, а площадь — более тысячи квадратных метров (27). По сведениям инспектора народных училищ Сухумского округа, в 1909 г. наиболее крупной из 8 имевшихся школ Сухума (общее количество учащихся — 917 человек) была греческая — 209 учащихся (в армянской школе — 80, в горской — 52). Показателем довольно высокого охвата детей хотя бы начальным образованием служит то, что детей в возрасте 8—11 лет в городе было 1 350 (28).

Своеобразие путей, ведущих из Эллады в г. Сухум, демонстрирует избрание в 1906 г. Сухумским городским головой Михаила Львовича Томара (29). По семейным преданиям, в 1453 г. члены семьи Томара покинули Константинополь и длинным путем, растянувшимся на столетия, через Украину, Петербург оказались в Сухуме (30).

Волна роста национального сознания как следствие революции 1905—1907 гг. не ограничивалась г. Сухумом и приведенными примерами. Документы сохранили прошение жителей местечка Гудауты об открытии школы с преподаванием греческого языка, причем прошение датируется августом 1905 г., т. е. ранее чем в Сухуме. Просьба была удовлетворена в том же году (31). В это же время греческое духовенство Сухумского округа ходатайствовало о переводе их детей в Тифлисское духовное училище, где преподавался греческий язык, заявив, что им нужен русский и греческий языки (32). Ходатайство поддержал Сухумский епископ. 9 августа 1906 г. было разрешено проводить в архиепископской домово́й церкви богослужение на греческом языке до сооружения своего храма (33). Сохранившиеся в Абхазии документы не дают возможности указать другие факты воздействия революции 1905—1907 гг. на греческое население края, но осознание своих прав как национального целого греки-переселенцы ощутили в результате первой русской революции. Медленно, с трудом в замкнутую сферу начинают проникать новые веяния начавшегося XX в., среди греческого населения России появляются первые марксисты, одним из которых стал и житель Абхазии Иван Константинович Хиоти (34).

Важнейшим событием в культурной жизни города, всей общественности края было сооружение в предвоенные годы театра сухумским торговым и общественным

деятелем И. М. Алоизи. Общий объем здания составлял 2 820 кубических сажен или более 20 тыс. м³, театральный зал вмещал 650 зрителей, несколько позже театр был оценен в 253 800 руб. (35).

В эти и последующие годы наиболее заметное воздействие на диаспору оказали, помимо священнослужителей, председатель Совета Сухумского эллинского общества доктор К. Д. Спиранти, Х. Г. Самуриди, А. Мариети, доктор И. К. Пашалиди, Комнино, И. Софьянов, И. Алоизи, П. О. Зографопуло, члены семьи Метакса, А. А. Текмичев и др.

При наличии сдвигов в сторону определенной демократизации никак нельзя говорить о существенном уменьшении влияния церкви. Этими интересами православной греческой церкви вызвана ее серьезная борьба (с помощью русского православия и консульской службы греческого королевства) с проникающим и успешно пропагандируемым в одном из крупнейших районов расселения греков, с. Азанты, протестанством. Она была прервана войной 1914 г. (35). В борьбе с усиливающимся влиянием протестантов (и не только в греческой среде) принимало участие и Сухумское епархиальное церковное Александра Невского братство, членом которого, священником старейшей Сухумской церкви Авраамием Ивановым, был осуществлен перевод устава братства на греческий язык.

Шел постоянный рост экономических и культурных связей. Значительная часть детей состоятельных родителей получила образование в русских учебных заведениях, что неизбежно расшатывало языковую замкнутость и вводило греков Абхазии в круг общероссийских политических и культурных интересов. Уже отмечавшаяся близость интересов русской и греческой православных церквей ускорила сближение греческого населения с другими народами Российской империи.

Врастание греков в многонациональную общность народов страны шло одновременно с расширением контактов с Грецией. Один из таких контактов зафиксирован Сухумской и Гагрской газетами. В них говорится, что в 1913 г. «совершающий кругосветное путешествие, выдающийся поэт граф Спиридон Каввада, прибыл в Сухум, где пробудет несколько дней и прочтет лекции о современной греческой литературе, а также некоторые свои новые произведения» (37). Из других номеров узнаем, что Каввада прочел в Петербурге лекцию на

тему «Возрождение Греции» (38). Можно предположить, что это был не единичный случай культурного взаимодействия.

Начало войны 1914—1918 гг. и проникновение в Черное море Германской эскадры вызвало панику в приморских городах Сухумского округа и спешный выезд жителей в сельскую местность. Аналогично поступили и государственные учреждения. К сожалению, на Северный Кавказ был отправлен архив Окружного управления, и его поиски в дальнейшем не дали никаких положительных результатов (39), что отрицательно сказывается как вообще на познании истории края, так и на истории его населения.

Бурно развивавшийся и росший город остановился в своем развитии. Если население г. Сухума в 1912 г., по данным однодневной переписи, составляло 24 072 жителя, то на начало 1917 г. их было уже только 16,5 тыс. человек (40). «Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу» 1913 г. дает цифру — 35 тыс., которая, по мнению исследователей, является завышенной, видимо, в рекламных целях. Но вне зависимости от того, прав путеводитель или нет, фактом является то, что население города уменьшилось не менее, чем на треть.

За годы войны в Сухумском округе наиболее сильно пострадало табаководство, объем собранного табака уменьшился в 10 раз, что соответственно ударило по беднейшим слоям населения, особенно табаководам-арендаторам. Специализированное сельскохозяйственное производство, каким является табаководство, особенно производство табаков в наибольшей степени зависит от экспорта, а его-то и прервала война. В этих условиях могли выстоять только экономически мощные хозяйства, но никак не арендаторы.

Нараставшее в стране недовольство войной отражалось и на настроениях в Сухумском округе и становилось особенно заметным в Сухуме, где в 1915—1916 гг. «прошел целый ряд выступлений рабочих; городских мастеров и крестьян. Несмотря на террор, большевики Абхазии энергично вели пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу среди трудящихся» (42). Политическая борьба в период февраль—ноябрь 1917 г. отразила все трудности отсталого многонационального региона, выразившиеся в формировании двух властей. Расслоение проявилось и в том, что на I крестьянском

съезде Абхазии был создан буржуазно-помещичий Абхазский Совет, который избрал и делегатов на «национальный съезд Грузии», который был созван в Тифлисе 19 ноября 1917 года. При этом следует отметить, что состоявшиеся участковые крестьянские сходы отказались признать Абхазский народный Совет», но он продолжал существовать «благодаря поддержке меньшевистской партии, прикрывшей им свои политические притязания» (43).

Создание Абхазского народного Совета не решило ни одного коренного вопроса развития края: ни политического, ни экономического, да и не могло решить, т. к. Абхазский народный Совет за попытку решать их дважды разгонялся правительством Грузии. Не проводилась земельная реформа, что сохраняло прежний классовый характер землевладения. Исключительно тяжелым было положение крестьян табаководов, арендаторов, находившихся в полной зависимости от скупщиков. Свою роль в усилении значения скупщиков сыграло возникновение монополиста — Петроградского торгово-экспортного товарищества, которое практически было англо-американским. Ухудшалось материальное положение рабочих и служащих, по несколько месяцев не получавших зарплату. Все это способствовало дальнейшему развитию революционного движения, что привело к победе Советской власти в Абхазии 8 апреля 1918 г. В условиях победившей Советской власти ее руководителями были сохранены организационные структуры противостоящих буржуазно-помещичьих сил, что не могло не сказаться негативно на укреплении власти рабочих и крестьян. Объединение всех сил буржуазии, вторжение войск правительства Закавказского сейма, ошибки руководителей Советской власти в Абхазии и внешнеполитические факторы, освободившие армию от войны с Турцией, договор с кайзеровской Германией и др. способствовали поражению Советской власти в Абхазии в середине мая 1918 г. Репрессии и расправы обрушились на ее население, что вынудило наиболее революционные, большевистски настроенные силы отступить из Абхазии, сохраняя тесную связь с ней.

В это время весьма наглядно сказалась национальная оторванность греческого трудового крестьянства, его подчиненность национальной буржуазии. Это положение усугубилось и прибытием беженцев из районов боевых действий турецкого фронта, которые не считали се-

бя жителями края и смотрели на Абхазию как на временное пристанище.

У греческого населения Абхазии национальное преобладало над интернациональным. Греческая национальная буржуазия оказалась более активной, чем революционно настроенная часть греческого населения и сумела убедить крестьянские массы следовать своей политике. В начале мая (10—11) было организовано буржуазное выступление в нескольких селах в окрестностях Сухума. В результате этого вся греческая община фактически была подчинена руководству эллинского сухумского общества (Совета) и, обладая своей вооруженной силой, оказалась на грани военных действий. Межнационального конфликта не произошло, но вооруженные греческие отряды остались в нескольких километрах от Сухума.

События 18-го года показывают, что классовое расхождение затронуло и сельскую часть греческой общины, точнее значительную его часть, что говорит о выходе трудового греческого населения из изоляции, о включении не только буржуазных «верхов», но и трудовых «низов» в общественную жизнь края. Да, в 1918 г. «верхи» снова победили, но уже в самом факте начавшегося противостояния было заложено их неизбежное поражение.

Вдохновителями греческого национального движения были Пашалиди — председатель Сухумского эллинского общества — и член этого общества Чача. Созданная за несколько лет до этого национальная греческая организация оказалась реальной политической и военной силой, что сказалось после отхода красных войск Абхазии к Сочи. 17 мая городская управа обратилась к греческому национальному совету: «Ввиду оставления города Военно-революционным комитетом... и отсутствия охраны в городе, покорнейше прошу греческий национальный совет прислать в распоряжение Сухумской городской управы вооруженный в 100 человек отряд для несения охраны города» (44). На следующий день, видимо, по получению согласия, заведующему гостиницы «Гранд-отель» было предписано разместить греческий добровольный отряд (45).

Как самостоятельная политическая сила национальный Совет эллинов, наследник Сухумского эллинского общества, впервые проявил себя в письме в Абхазский народный Совет от 6 февраля 1918 г., сообщив о своем

набрании 03.02.18 г. Совет эллинов, — сказано в документе, — «имеет честь довести до Вашего сведения, что он является выразителем воли, стремления и желаний всех эллинов, населяющих город Сухум и его округ, почему просит по всем вопросам в связи с современным положением обращаться непосредственно к нему» (46). Последующие события подтвердили полномочия совета как действительного руководителя общины Сухумского округа.

Необходимо отметить, что далеко не все греки были единодушны с национальным советом эллинов. Так, например, в начале марта 1918 г. активным участником революционных событий в Гаграх был К. Семерджиев, избранный комиссаром просвещения ревкома. Нужно сказать, что и меньшевистская газета «Борьба» подчеркивала интернациональный характер красных отрядов (47). Активным участником борьбы за Советскую власть был И. К. Хиоти, член КПСС с 1904 г. Но при этом нужно обязательно отметить, что в 1918 г. подавляющее большинство греческого населения заняло выжидательную позицию, замкнулось на себе и не принимало участия в боях за Советскую власть в Абхазии в 1918 г. Ранее приводилось разъяснение этой ситуации, когда один из самых угнетенных народов-тружеников не стал бороться за свои права.

Видимо, к сказанному следует добавить, что в это время во всех регионах расселения греков в мире начинается движение за национальную самостоятельность, так, например, в 1918—1919 гг. создается комитет, ставящий своей целью возрождение Понтийского королевства на территории Турции от Синопа до Кавказа (48). Со сходными требованиями выступила и греческая община во Фракии. Это всплеск национальных чувств, особенно у тех, кто хорошо помнил трудности недавних десятилетий, способствовал национальной консолидации греков в противовес классовой. Привыкнув видеть в «своих» купцах защитников национальных интересов в условиях царской России, они сохранили это доверие, перенеся его в совершенно новые условия, и здесь сыграло роль слабое знание русского языка, чем успешно воспользовалась буржуазия, организовав выпуск газет «Неа Зон» (Новая жизнь) и «Морфосис» (Просвещение) (49) (1918—1920 гг.), которые оказали существенное воздействие, отвлекая от революционных событий в Абхазии. Этому же способствовало учреждение нацио-

нального совета эллинов Грузии в 1919 г. (50). Необходимо отметить, что сам факт выхода печатных изданий на родном языке был явлением глубоко положительным. Революция давала возможность всем народам и странам сделать громадный скачок в развитии демократии, национального самосознания, свободы личности. Другое дело, что в некоторых случаях этими великими достижениями пользовались отдельные лица или группы для достижения своих эгоистических целей.

Окончание I мировой войны, территориальные приобретения Греции и ее участие в военной интервенции против Советской России, постоянно увеличивающаяся нестабильность Грузинской демократической республики, а также хозяйственная разруха вызвали волну выезда, тем более, что некоторые аспекты национальной политики правительства Грузии, особенно языковые, способствовали этому. Так, например, из 150 служащих комиссариата Абхазии и подведомственных ему учреждений греков было только 2 — сортировщик табака и кладовщик (51). Ряд документов содержит сведения об эмиграции греков. Так, протокол ревизионной комиссии Народного совета Абхазии говорит об эмиграции греков в 1919—1920 гг. и организованном Министерством демократической республики Грузии вселении на их место грузин, сванов, мегрелов, что вызвало недовольство представителей абхазского населения в Совете (52). Подтверждают массовую эмиграцию и документы Сухумской городской управы о закрытии греческой школы в с. Яштух (53). 1 марта 1920 г. земельная управа Гумистинского уезда фиксирует массовый выезд греческого и армянского населения в Грецию и Турцию (54). 28 мая 1920 г. Сухумская городская управа обращается к Эллинскому национальному обществу (совету) с сообщением, что уезжающие из города заняли пристань, создав угрозу возникновения эпидемии и просит общество вмешаться, причем характерно, что в документе греки именуются «беженцами» (55). Несколько позже, 2 июня 1920 г. городской голова сообщает Эллинскому национальному Совету, что часть греков-беженцев вернулась и ночует, где придется; совместными усилиями управы и общества большая их часть к 15 июня 1920 г. была вселена в железнодорожные бараки (56). Отсутствие конкретных сведений не позволяет с достаточной достоверностью определить причины массового выезда. Предположительно можно считать, что в основном, судя

по определению «беженцы», выезжали лица, переселившиеся в Абхазию в 1915—1917 гг. Свою роль в этом сыграла и сложная и нестабильная обстановка в регионе.

По косвенным данным можно судить о том, что эмиграция затронула не только недавних выходцев из Малой Азии и табаководов-плантаторов. Один из богатейших жителей Сухума И. М. Алоизи предлагает свое имущество городу, а именно театр, оцененный по довоенному курсу в 253 800 рублей, и другие постройки, всего за 354 225, что по его же сведениям дешевле на 50 тыс. руб., чем затраты (57). Трудновосстановимо точное время выезда тех или иных документально зафиксированных в источниках лиц и семей, но фиксируется, что ряд фамилий граждан г. Сухума греческой национальности, нередко встречающихся в документах до 1920—1921 гг., впоследствии не обнаруживается, что может, с изрядной долей вероятности, говорить о их эмиграции.

Обстоятельства жизни греков на территории Абхазии до Великой Октябрьской социалистической революции позволяют сделать ряд выводов.

Несмотря на значительные пробелы в исторических документах, например, XVI—XVIII вв., вполне допустимо, что связи греческого населения Причерноморья с Абхазией не прерывались на мало-мальский длительный срок. Общепринятая точка зрения, что выезд греков в Абхазию вызван только последствиями махаджирства — трагическим переселением части абхазского народа в Турцию — не выдерживает проверки архивными документами и вызывает сомнение в правильности сведений о городском населении Абхазии в первой половине XIX в. Понятно, что авторы работ по истории Абхазии, как и другие историки, испытывали политический нажим и «подправляли» исторические факты в желательном для руководства того или иного периода духе. Это не обвинение в адрес историков (даже в тех трудных условиях они сумели многое отобразить), но констатация факта, говорящего о том, что и в XIX в. и ранее приморская зона Абхазии и перевальные пути служили не для изоляции и отрыва народов друг от друга, а местом контактов, процесса, носившего и носящего циклический характер. Кризисные ситуации возникали, когда миграция населения становилась насильственной.

1. Центральный государственный архив Абхазской АССР — далее ЦГАА — ф. 1И, д. 5900, л. 1.
2. ЦГАА, ф. 8И, д. 11, лл. 2, 36, 107.
3. ЦГАА, ф. 2И, д. 1, лл. 4, 7, 9.
4. ЦГАА, ф. 2И, д. 1, л. 11.
5. ЦГАА, ф. 1И, дд. 1, 2, 3, 9 и др.
6. ЦГАА, ф. 1И, дд. 12, 18, 19, 21, 23, 31, 32.
7. ЦГАА, ф. 1 И, д. 33.
8. ЦГАА, ф. 58И, д. 5, лл. 3—3 об.
9. ЦГАА, ф. 3И, д. 36, л. 4.
10. ЦГАА, ф. 3И, д. 136, л. 4.
11. ЦГАА, ф. 3И, д. 147.
12. ЦГАА, ф. 3И, д. 170, л. 19.
13. ЦГАА, ф. 3И, д. 373, лл. 2—2 об.
14. Олонекский А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX — начало XX веков). Сухум, 1934.
15. ЦГАА, ф. 3И, д. 399, лл. 9—10.
16. ЦГАА, ф. 3И, д. 553, лл. 31—32.
17. ЦГАА, ф. 1И, д. 4382.
18. Олонекский А. А. Указ. соч.
19. ЦГАА, ф. 1И, д. 230, лл. 2—2 об.
20. ЦГАА, ф. 1И, д. 3859, л. 29.
21. Ефремов Ю. К. Тропами горного Черноморья. М., 1963. С. 135—136.
22. Олонекский А. А. Указ. соч.
23. Там же. С. 46.
24. ЦГАА, ф. 1И, д. 3906, лл. 1—3.
25. ЦГАА, ф. 1И, д. 5922, л. 12.
26. ЦГАА, ф. 1И, д. 5922, л. 35.
27. ЦГАА, ф. 1И, д. 5922, л. 12.
28. ЦГАА, ф. 27И, д. 53, л. 13 об.
29. ЦГАА, ф. 1И, оп.-1, д. 839, л. 6.
30. Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум-кале...». Сухуми, 1988. С. 121—122.
31. ЦГАА, ф. 1И, д. 3676, лл. 1—11.
32. ЦГАА, ф. 1И, д. 4965, лл. 1—16.
33. ЦГАА, ф. 1И, д. 4012, лл. 1—2.
34. Партархив Абхазобкома КП Грузии, карточки членов КПСС.
35. ЦГАА, ф. 4И, д. 2449, лл. 2—3.
36. ЦГАА, ф. 2И, д. 58, лл. 7, 8, 16.
37. Сухумский вестник, 1913, 24 февраля.
38. Гагринская газета, 1913, 7 и 8 сентября.
39. Дзидзария Г. А. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии 1917—1918 гг. Сухуми, 1958. С. 46.
40. ЦГАА, ф. 4И, д. 2624, лл. 12—12 об.

41. Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
42. История Абхазской АССР, 1917—1937 гг. Сухуми, 1983. С. 9.
43. Там же.
44. ЦГАА, ф. 4И, д. 2853, л. 9.
45. Там же, л. 10.
46. ЦГАА, ф. 39И, д. 2, л. 13.
47. Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 115.
48. Наше слово. Сухум, 1919, 21 января.
49. ЦГАА, ф. 79, д. 2(9), л. 27.
50. Наше слово. Сухум, 1919, 25 февраля.
51. ЦГАА, ф. 39И, д. 19, лл. 116—119.
52. Абгосмузей, ф. 3, л. 39.
53. ЦГАА, ф. 4И, д. 3127, л. 6.
54. ЦГАА, ф. 4И, д. 3067, л. 2.
55. ЦГАА, ф. 4И, д. 3067, л. 3.
56. ЦГАА, ф. 4И, д. 3067, л. 12.
57. ЦГАА, ф. 4И, д. 2449, лл. 1—26; д. 3146, лл. 2—3.

Очерк 3. В СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ.

1921—1938 гг.

Освобождение Абхазии от меньшевиков началось 19 февраля 1921 г. и было завершено в марте. 4 марта 1921 г. в столице Абхазии г. Сухуме было водружено Красное знамя Советов и Ревком Абхазии по радио сообщил В. И. Ленину: «Восставшие рабочие и крестьяне Абхазии свергли преступное меньшевистское правительство и провозгласили Советскую власть в Абхазии. Молодая Советская Абхазия шлет свой первый революционный привет Великой Советской России — заступнице всех малых угнетенных народностей и покровительнице трудящихся масс всего мира» (1). С победой Советской власти в Грузии и Абхазии — прямым продолжением Великой Октябрьской социалистической революции — завершилось освобождение всего Закавказья.

Переход к мирному строительству Советской власти проходил под руководством высказанных В. И. Лениным указаний: «... всего более важно..., чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республик» и далее: «Не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов» (2). В. И. Ленин указывал на необходимость проявлять «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству»... и далее «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и осуществить от нашей тактики» (3). Особое значение В. И. Ленин придавал межнациональным отношениям, выражая надежду, что советские социалистические республики Кавказа, их тесный союз «создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» (4).

К моменту установления Советской власти народное

хозяйство находилось в состоянии разрухи: еще и еще раз подтверждалась историческая истина — сидеть на штыках нельзя. Экономическая разруха и политическая неразбериха создали предварительные условия, позволявшие органам Советской власти, не встречая вооруженного сопротивления, приступить к решению хозяйственных вопросов.

Процессы национализации промышленности, аграрная реформа проходили неравномерно и сложно, но уже к концу 1921 г. стал заметен определенный подъем хозяйственной деятельности.

Нельзя сказать, что греческое население Абхазии никак не реагировало на установление Советской власти, но несмотря на практически полное умолчание об этом в исторической литературе, на основе косвенных данных можно сделать вывод, что его реакция отличалась от других национальных групп. Помимо классового деления, греческое население делилось и по времени прибытия. Последняя волна прибывших из Турции была частью разрозненного этноса зоны Трапезунда. Остальные части первоначально разбросанных по всему Ближнему Востоку семей и родов после греко-турецкой войны 1922 г. начали концентрироваться в Греции, что усиливало эмиграционные настроения недавних греков-переселенцев в Абхазии. Следовательно, в начале 20-х годов греческое население не было однородным даже по осознанию себя единым целым — греческим народом Абхазии. Разнородность и разобщенность вызвали и вторую эмиграционную волну 1924—1925 гг., конечно, вместе с рядом внутриабхазских факторов.

Перегрузку г. Сухума беженцами (греками и армянами — Н. И.) вызвало их выселение из Аджаристана. К этому Абхазия не была готова, как сообщал Н. А. Лакоба в 1923 г. (5). По отчету бюро виз за 1924 г. следует отметить регистрацию греков-беженцев и турок-военнопленных. Всего было зарегистрировано тех и других 21,5 тыс. человек, выехало 1768 чел. и ждало визы 8,0 тыс. человек (6). Большое количество разноречивых сведений о численности населения вообще и по национальным группам в частности заставляет на каждом этапе исследования проводить новые расчеты, чтобы в конце концов определить действительную абсолютную и относительную численность греческого населения Абхазии. Например, на 30 ноября 1922 г., по данным пере-

писи Грузинской ССР, в г. Сухуме из общего населения 8 793 человек греков было 2 490 или более 28% (7).

Сельскохозяйственная перепись 1923 г. количество греков в сельской местности определяет в 19 222 чел. или 13% об общего числа сельскохозяйственного населения Абхазской АССР, т. е. общая их численность превышает 21,5 тыс. чел., а налоговая перепись 1925 г. численность греков определяет в 18 022 чел. — 11,5% (8). Всесоюзная перепись населения 1926 г. дает численность греческого населения 14 045 чел. (9), от общей численности населения республики чуть более 7%. Путаница в численности греческого населения, к сожалению, продолжается и в дальнейшем, что заставляет относиться ко всем данным о их численности с определенным недоверием. Становится вообще непонятно, каким образом Всесоюзная перепись 1939 г. дает численность греческого населения республики — 34 621 чел. (10), т. е. рост за 13 лет в 2,5 раза и это при отсутствии въезда и наличии значительного выезда. Усугубляют трудности определения численности греческого населения и сведения по языку, приводимые в переписи 1926 г. По этим данным численность грекоязычного населения — 25 619 чел., т. е. можно предположить, что греков в Абхазии было больше не только 14 045 чел., но и 25 619 чел., поскольку часть старожилов-греков владела уже только русским языком. При учете высокого естественного прироста, свойственного греческому населению Абхазии до конца сороковых годов, необходимо взять исходную цифру численности греческого населения более 25,0 тыс. человек в 1926 г. как исходную для оправдания прироста к 1939 г. в 10,0 тыс. человек. Помогает установить действительную численность греческого населения в 1926 г. указание, что на дату переписи в Абхазии было 15 тыс. чел. иностранноподданных, из них греков 10,8 тыс., турок 3,0 тыс., армян 1,0 тыс. человек. При учете иностранноподданных общая численность греческого населения составляет 25 645 чел., что близко к данным переписи по языку (11). Следовательно, в общем населении Абхазии греки составляли несколько более одной восьмой или 12,5%. При этом нужно учесть, что большая часть их, порядка 80%, проживала в Сухуме и Сухумском уезде, где они составляли более трети всего населения и при этом проживали относительно компактно.

О численности иностранноподданных на территории

Абхазии в документах СНК—СМ Абхазской АССР свидетельствует датированный первыми днями Советской власти (до 1925 г.) «Краткий очерк Абхазии (географические, экономические, статистические и бытовые сведения)», в котором говорится: «На землях, освободившихся после выселения абхазцев после 1830 года, Крымской кампании и русско-турецкой войны, поселились колонисты — русские, грузины, немцы, эстонцы и др., которых в общей сложности до 35 тысяч.

Кроме того, главным образом во время империалистической войны, беженцев — армян, греков и из Прибалтийского и Прибалтийского краев вселилось до 45 тыс., состоящих и до ныне в подданстве других государств, главным образом Греции, Польши и др.» (12).

Из перечисленных сведений вытекает, что установить действительную численность греческого населения Абхазской АССР двадцатых — начала тридцатых годов затруднительно. Эти трудности еще более усугубляют сведения о выезде греков за рубеж.

Еще до Всесоюзной переписи населения 1926 г. греческое население существенно уменьшилось. Это произошло в самом начале декабря 1925 г. В 1923 г. часть греков-беженцев в целях воссоединения семей обратилась с просьбой о разрешении на выезд в Грецию. Советское правительство согласилось, но Греция, переполненная в результате греко-турецкой войны беженцами, отказывалась принимать их. Спорная ситуация продолжалась более двух лет, недоговоренность и нерешенность вопроса в итоге создала катастрофическое положение в Сухуме. Решившие уезжать распродали все имущество и в ожидании парохода разместились в его портовой части, что вызвало значительные трудности как для города, так и всей республики. В телеграмме от 21.05.25 г., направленной находившемуся в Москве Н. А. Лакоба из Абхазии за подписью зам. председателя Совнаркома говорится: «Положение греков-беженцев катастрофическое. Налаженное соглашение иностранным пароходством разстроилось. Днями выехала в Москву беженская комиссия докладом Совнаркома (Абхазии. — Н. И.) Литвинову, копия Вам. Необходимо окончательно урегулировать вопрос беженцев. Другого исхода нет» (19). Завершилась эта переселенческая эпопея в конце 1925 г. выездом на пароходе «Хараламбос» 3 007 чел. (20).

Чтобы завершить рассмотрение вопросов эмиграции

греческого населения Абхазской АССР в предвоенные годы, нужно отметить, что и выезд греков фиксируется после 1925 г. и до 1937 г. Колебания по годам составляют от 11 семей в 1932 г. до 415 в 1929 г., что объясняется как событиями в самой Абхазии, так и в Греции. Далее будет затронут вопрос гражданства, но и сейчас нужно отметить, что не менее трети греческого населения были иностранноподданными, что ставило их в сложное положение, особенно в период начавшегося колхозного строительства. Количество выехавших за 1926 — май 1937 г. составило 1159 семей — 3 905 человек (21). Общее же количество выехавших с 1923 г. и до мая 1937 г. таким образом составило около 9 тыс. человек.

Приведенная численность выехавших после Всесоюзной переписи 1926 г. — примерно 4 тыс. человек — ставит под сомнение данные следующей переписи; трудно представить прирост населения за 12 лет на 75% только за счет естественного прироста населения. Более чем 6%-ный ежегодный прирост (поскольку документы не сохранили данных о значительном въезде греков в Абхазскую АССР), видимо, все же следует объяснять погрешностями методик разных переписей и возможно вхождением в 1929 г. в состав автономной республики западных сельсоветов Гагрского района, в те годы заселенных в значительной степени греками. При учете греческого населения части Гагрского района в 1926 г. греческого населения на нынешней территории республики было больше, чем об этом сообщает перепись.

Причины выезда в разные годы отличны друг от друга, и если выезд 1925 г. объясняется в основном тем, что выезжали в целях воссоединения семей беженцы из Турции периода империалистической войны, то более поздние объясняются большим разнообразием причин.

В первые годы Советской власти, по сохранившимся документам, специальной работы с национальными меньшинствами не велось. Видимо, в условиях многонациональной (причем в автономии коренная нация не составляла даже относительного большинства) республики не было ни условий, ни возможности решения социально-экономических и политических проблем национальных меньшинств. Речь не идет о какой-то дискриминации, скорее наоборот, просто этой проблемы еще не было, и она соответственно не обнаруживается в до-

кументах. В работе советских органов активное участие принимают представители всех национальностей, в том числе и греки. Так, например, в составе членов II Всеабхазского съезда Советов были Феофан Ставрович Анастасиади — руководитель Управления народным хозяйством, Феодор Анастасьевич Пантелиди — зам. председателя Гумистинского коопсоюза, Николай Евгеньевич Делавери — зав. орготделом Сухумского горкома КП, Спиридон Семенович Попандопуло — крестьянин, Полихрон Христофорович Пасхалиди — крестьянин, София Ивановна Барчал-Оглу — от союза «Пищевкус» и Иван Георгиевич Миронов — секретарь и член Гумистинской земкомиссии (22). На III съезде Советов Абхазии из 246 делегатов греков было 17 человек, что примерно соответствует численности советскоподданных греков в процентах к общему числу жителей республики (23). В первые 3—4 года национальных проблем для правительства республики практически не существовало. Определяющим в выборах органов Советской власти было желание самих жителей. Только что прошедшая революция разделила людей по классам, вытеснив, к сожалению, только на время, национальные различия и интересы. В этот период, и это нужно обязательно выделить, национальное представительство греческого населения автономной республики соответствует фактической численности. Соответствие это достигалось без национальных лимитов и квот, для этого было достаточно дать право выдвижения самому народу.

К концу 1925 — началу 1926 гг. относится начало связи между Центральной комиссией нац. меньшинств при Всеукраинском ЦИК (которая писала о желательности взаимного обмена материалами по советскому строительству среди греков) и Абхазской АССР (24). Несколько позднее, 17 марта 1927 г., на заседании ЦИК Абхазии была утверждена комиссия нац. меньшинств в составе: председатель С. Я. Чанба, Миносаян — от армянского населения, Делавери и Семерджиев от греческого, Кулешов — от русского, Раудсен — от эстонского и Делавер-Оглы от турецкого населения республики (25). 12.07.28 г. было утверждено положение о комиссии по делам нац. меньшинств при ЦИКе АССР Абхазии, в котором говорилось: «Целью означенной комиссии является проведение мероприятий, направленных к развитию и укреплению мирного сожительства и тесного сотрудничества всех населяющих ССР Абхазию

национальностей, а также к культурному и материальному преуспеванию национальных меньшинств в ССР Абхазии» (26). Комиссией в соответствии с инструкцией Всегрузинского ЦИКа проводилась «...разработка материалов по вопросу о выделении темских и сельских национальных советов» (27). В дальнейшем в Абхазии в Сухумском районе существовало 4 греческих сельсовета, и кроме того, греческое население входило в состав части 23 смешанных сельсоветов (28).

Заметные изменения произошли и в области народного просвещения. Так, например, число греческих школ возросло с 34 в 1921—1922 уч. году до 48 в 1925—1926 уч. году, количество учащихся в них с 2 255 до 2 849 и учителей — с 42 до 80 за те же годы (29).

Происходило насильственное выравнивание национального состава служащих. Количество греков-служащих советских и общественных учреждений возросло с 5,97% до 6,8% от общего количества (30). Это выравнивание национального состава, как ни печально, стало началом национального размежевания. Замена квалифицированных работников на менее квалифицированных, копания в сотых и десятых процента национального представительства стали началом замены подхода к гражданам по деловым и моральным качествам на подход по национальному признаку. Это (наряду с другими факторами) привело к серии национальных потрясений уже в наши дни. «Благими намерениями дорога в ад вымощена» — эти древние слова достаточно точно отражают намерения бюрократии — на бумаге достичь равенства народов.

В первые годы Советской власти среди направленных на учебу в вузы страны практически нет греков, а в 1929 г. комиссией нац. меньшинств при ЦИКе АССР Абхазии направлены: Гомер Хиоти в военно-морское училище им. Фрунзе, Савва Муртиди в сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, Харлампий Вонятикиди в Краснодарский сельскохозяйственный институт, Орест Номикос в ГПИ г. Тбилиси и Евгений Кабасакалов в Новочеркасский политехнический институт (31).

Чтобы разобраться в сложных процессах, происходивших с греческим населением ССР Абхазии, нужно попытаться охарактеризовать, что из себя представляла греческая община. Очень низкий процент грамотности — на декабрь 1929 г. 35% (32); лиц с высшим образованием единицы; наиболее состоятельная и обра-

зованная часть населения в период революции **выехала**, условия расселения затрудняли для значительной части греческого населения получение среднего образования, что соответственно лишало их возможности получить высшее. К этому нужно прибавить слабое знание русского языка большей частью прибывших в Абхазию в 1915—1918 гг. и очень большое влияние религии, **уничтожая** в многолетних притеснениях была основой, поддерживающей самосознание греков, дававшей им возможность ощущать себя и в разных странах единым народом. К этому добавилось то, что на протяжении исторически короткого периода времени произошло насильственное перемещение, которое, как и трудности жизни на новом месте, не дали всем осознать Абхазию родиной: для многих это был промежуточный пункт перед конечной целью — Грецией. Все это снижало политическую и социальную активность греческого населения Абхазии как во время революции и борьбы за Советскую власть, так и в первые ее годы. Были и объективные обстоятельства реальной жизни в автономной республике, поддерживающие такое состояние значительной части греческой общины.

В докладе «Практика проведения национальной политики» (к сожалению, доклад без даты и без указания автора по косвенным данным его можно датировать второй половиной 1929 г. или самым началом 1930 г.) говорится: «В этом году был проведен учет советских граждан и греческих подданных среди греческого населения. По статистическим данным Наркомвнудела, в начале года записалось греческими подданными только десятки, потом сотни, но в июле месяце этого года записалось греческими подданными 1 056. В этом массовом переходе греков-крестьян в греческое подданство большую роль играло безобразное отношение работников центральных аппаратов к греческому населению. Для иллюстрации приведу несколько фактов, рассказанных одному из членов комиссии крестьянами Ольгинского района на общем крестьянском сходе. Л-а* — представитель НКВнудела хотел заставить крестьян Кирязова (так в тексте. — Н. И.) и комсомольца Попандопуло записаться в греческое подданство, когда

* Несмотря на наличие фамилии в тексте документа представляется целесообразным не указывать ее, так как не удалось установить, что это — личная инициатива ретивого аппаратчика или исполнение распоряжения более высоких инстанций.

они не хотели, он угрожал им арестом. Записывали в греческое подданство крестьян, живущих 50 лет в Абхазии. Другой представитель Наркомвнудела Т-а* угрожал высылкой (подтверждают члены ВКП(б)). Несколько раз приезжали комиссии для регистрации и каждый раз снова заставляли платить крестьян за регистрацию. За неимением паспорта многих оштрафовали, несмотря на то, что у них были военные учетные карточки. Советский паспорт продавали дороже (7 р. 50 к.), чем греческий (3 р. 50 к.).

В других районах представители Наркомвнудела поступали также, а в лучшем случае механически приступали к регистрации крестьян, ничего им не разъясняя. В селе Андреевском крестьяне жаловались на представителя Наркомзема (бывший монах, ставший директором треста народных имений), что он заявил им: «Для Наркомзема одно дерево дороже десяти греков».

Несмотря на то, что часть этих фактов была известна правительственным органам, о них говорилось на съезде Советов, необходимые меры не были приняты. Обком также не реагировал на эти извращения национальной политики, не послал греков-коммунистов в эти районы для разъяснительной работы, хотя на совещании ответственных работников-греков в Сухуме этот вопрос был поставлен. Не были проведены в жизнь и другие предложения этого совещания (созыв греческой беспартийной конференции)» (33).

В другом документе говорится: «Однако, все эти причины не имели бы такого большого значения, если бы к вопросу эмиграции были другие отношения в самой Абхазии. Стремление очистить Абхазию от «пришлых» дает себя знать и здесь и проявляется в таких, например, фактах: «Зав. иностранным отделом НКВД тов. Т-а**», приехав в греческий район, говорил крестьянам: все равно, если вы не перейдете в греческое подданство, вас выселят и никакой помощи мы вам не дадим. Все равно в марте прибудет греческий пароход, на это уже есть договоренность и мы вас выселим».

После такого авторитетного заявления не удивительно наличие эмигрантских устремлений. Со стороны же аппарата имеется полное игнорирование интересов греков, почти полное отсутствие культабры среди них, учета их потребности и нужд.

* Фамилия не указывается по той же причине.

** Фамилия не указывается по вышеназванной причине.

Вместе с тем, пытаются свести серьезнейший вопрос о массовом стремлении в эмиграцию трудового греческого крестьянства, не только из переселенцев, но и коренного, к пустякам доказывая (безуспешно), что эмигрируют только торговцы. На этой почве и вырастает неудовлетворенность греков и их стремление изолироваться» (34)*. К приведенным в документах примерам можно добавить и такой: вдове грека, русской по национальности, было предложено принять греческое подданство и выехать. Видимо, в таком отношении скрыта одна из составных причин, приведших в дальнейшем к депортации греческого населения из Абхазской АССР в восточные районы страны.

Серьезность складывающегося положения, понимание руководством автономной республики необходимости остановить эмиграцию трудового греческого крестьянства привели к выявлению действительного их положения: трудности жизни, малоземелья и др. Проведенными обследованиями выявилось: «Основа хозяйственной мощи крестьянства является обеспечение пахотными, сенокосными землями и пастбищами. В этом отношении нацмены в своем большинстве значительно меньше обеспечены земельными угодиями (армяне, греки), наиболее ущемленными в земельном и экономическом вопросе является греческое крестьянство.

Политика меньшевистского правительства и греческой буржуазии причинила значительный ущерб экономическому положению греческого крестьянства. Часть крестьян, сагитированная греческой буржуазией и выехавшая при меньшевистском правительстве и обратно вернувшаяся, осела где попало, на каменистой почве, на арендных началах, к родственникам и т. д., до сих пор влачит жалкое существование.

Беженцы, которые поселились к коренным грекам, значительно ухудшили общее положение греческого крестьянства. Большинство греков-крестьян сидит на плохой горно-каменистой, истощенной и мизерном клочке земли: большой процент греческого крестьянства сидит на земле до 1/2 дес., от 1/2 до 1 десятины земли при наличии большого количества едоков в семье** (35).

Немало сведений этого времени и по отдельным местам расселения греков, в том числе по Азантскому району: «Население только греков данного района 2000

* Здесь и далее сохранены стилистика и орфография источника.

** Сохранена орфография источника.

душ, 400 дворов имеют в общей сложности 300 десятин земли. Душевая норма земли приходится 0,1 дес. В то время как душевая норма мегрельцев Азантского района 1 десятина и больше. Если принять во внимание, что среди греческого крестьянства встречаются хозяйства с 2, 3, 4-мя десятинами, то можно сделать вывод, какой большой процент падает на карликовые хозяйства с мизерным клочком земли. Если принять во внимание истощенность, каменность и негодность земли, то можно себе представить весь ужас экономического положения некоторой части крестьянства» (36). Приведенный пример можно распространить и на Андреевский, Башкардашский районы (сельсоветы). Создатели документа видели выход в переселении на лучшие земли около 800 семей (4000 чел.), отмечали, что неурожай двух последних лет также способствовали появлению эмиграционных настроений и далее: «Все эти моменты наводят на мысль, что Абхазскому правительству необходимо практически разрешить земельный вопрос. Но в связи с реконструкцией сельского хозяйства, необходимо взять курс на деления земель только при вовлечении в колхозы» (37).

Трудности колхозного строительства в местах расселения греческого населения объясняются как объективными факторами — черезполосица, малоземелье, только ручной труд на табачных плантациях, так и субъективными — неверие в коллективный труд, наличие антиколхозной пропаганды, недостаточная агитация, низкий политический уровень и недостаточная грамотность, вызванная в греческих селах практическим отсутствием подготовленных советскими вузами и техникумами учителей. Существенную и весьма отрицательную роль играло отсутствие газеты на греческом языке. «Самым большим минусом культурного уровня строительства среди нац. меньшинств в Абхазии, является наличие большого количества общественных школ. Имеются и такие школы, которые числятся государственными, но часть штата учителей находится на общественных средствах. В настоящее время в ряде нацменьрайонов, особенно экономически слабых — общественные школы закрываются» (38). Понятно, что в таких условиях социальный, культурный и профессиональный уровень преподавательского состава не выдерживал критики. «В то время как в Абхазии 35% населения нацменьшинств, то во всех профессиональных заведениях Абхазии нац-

мены охвачены не более 20%... Еще хуже обстоит вопрос подготовки кадров специалистов (агрономов, врачей и т. д.) из отдельных нацменьшинств Абхазии. В рабфаки и вузы армяне и греки посылаются единицами, случайно». Так, в 1926—1929 гг. всего на учебу из Абхазии было послано 192 человека, из них греков 5, т. е. чуть больше 2%, а если исходить из численности греческого населения, то должно было быть более 20% (39).

Проблемы экономического развития Абхазской АССР сказывались не только на сельских школах, но и на городских. Нужно отметить, что население хорошо понимало трудности, стоящие перед Советской властью и активно принимало участие в строительстве школ. Так, 19.1.1927 г. газета «Советская Абхазия» сообщила о начале постройки армянской 9-летки и о сборе средств среди населения (40). В том же году в газете была помещена информация о том, что на постройку греческой 9-летки собрано уже 6 тыс. рублей пожертвований и что строительство будет начато в текущем году (41).

Свою лепту в кризисную ситуацию конца 20-х годов внесли и условия обеспечения сел необходимыми продуктами. «На местах ощущается сильная недостача по многим промышленным и продуктовым товарам, например, масло постное, рис, крупа, рыба, мануфактура, мыло, керосин, гвозди. Эти товары получают изредка и к тому же распределяются неравномерно, неправильно. Лазы, греки Андреевского района (и других районов) на сходах, на собраниях в своих выступлениях указывали, что кооперация их не обслуживает, что они голы, босы и голодны и требовали правительственной помощи по хозяйственному их обслуживанию.

Характерно выступление греков Азантского района: «Вы не беспокойтесь, что мы выезжаем, если не лучше, то хуже жить не будем. В Греции будем кушать русский хлеб, сахар, крупу, мануфактуру, которые для нас в настоящее время недоступны. Особое недовольство среди крестьян вызывает кризис керосина. Необходимо принять срочные меры по изжитию искусственного кризиса на керосин» (42).

Было еще одно обстоятельство, подталкивающее греков и других к принятию иностранного подданства. Лица, причисленные к кулацкому сословию, если они иностранноподданные, получали возможность сохранить свои владения, а по принятию советского гражд-

данства они тут же раскулачивались. Но и это положение на местах нарушалось и потребовалось вмешательство Народного Комиссариата иностранных дел СССР, напомнившее местным властям о необходимости соблюдения законов и желательности сохранения товарного производства (43).

Кризисная ситуация, сложившаяся в ССР Абхазии с греческим населением в конце 20-х — начале 30-х годов потребовала целого ряда мер от руководства республики. Складывается впечатление, что в руководстве существовало две точки зрения на «пришлого» население, и если во многих выступлениях Н. А. Лакоба, С. Я. Чанба и некоторых других звучит ясное понимание нужности и полезности для республики национальных меньшинств, понимание высокого интернационализма, совместного проживания разных народов на одной земле, взаимного обогащения, создания новой советской общности людей, то, как следует из приведенных документов, некоторые довольно ответственные лица действовали явно против, стремясь выжить «пришлого» население из республики.

Обследования положения национальных меньшинств, проведенные ЦИКом и партийными органами, выявив катастрофическое положение в ряде населенных пунктов, стимулировали усилия по ликвидации негативных явлений. В области просвещения еще в 1926 г. в Сухуме организуются 2-годичные педкурсы по подготовке учителей абхазских школ, преобразованные в абхазский педагогический техникум, чуть позже — в 1927 г. также в Сухуме были открыты грузинский, армянский, греческий педагогические техникумы. Греческий педтехникум был размещен в здании школы, построенной эллинским обществом. Первый выпуск педтехникумы провели в 1930 г. (44).

На заседании президиума Абхазского обкома КП Грузии 25 мая 1930 г. рассматривался вопрос о создании греческой газеты (предложение вносилось нацменкомиссией АбЦИКа — Н. И.), и несмотря на то, что из-за отсутствия подготовленных кадров и средств предложение было отклонено, все же было принято решение о поиске связей и налаживании контактов с издаваемой на греческом языке в г. Ростове-на-Дону газетой «Коммунист» для печатания материалов о жизни греков в Абхазии и распространения в Абхазской АССР. Несколько позже греческая газета была создана.

В 1931—1933 гг. орган Союза писателей Абхазии «Литературная газета» выходила на нескольких языках, в том числе и на греческом (45). Выпуск самостоятельной греческой газеты начался в 1932 г. с определения названия «Кокинос Капнас» (Красный табаквод), позже она получила название «Коммунистис» (Коммунист). Определен был и язык издания — димотики и одновременно местные материалы для большей доступности должны были публиковаться на понтийском диалекте греческого языка. Газета была органом Абхазского обкома КПГ, ЦИК Абхазской АССР и Сухумского райкома КПГ. Первым редактором газеты стал Паратиди К. Г., в состав первой редколлегии входили К. Семерджишев, Ф. Анастасиади, Д. Бумбуриди. На 1934 г. газета намечалась к реализации — в Сухумском районе 3 100 экз., г. Сухуми — 700 экз., г. Гагра и с. Пиленково — 250 экз., Гудаута и Новый Афон — 150 экз., Очамчире — 50 экз., всего по Абхазской АССР — 4 250 экз., кроме того, газета должна была распространяться в Аджарской АССР — 300 экз., г. Чхатура — 70 экз., г. Кутанси — 30 экз., Цалка и других районах СССР — 350 экз. Фактический тираж в 1934 г. составил 3 000 экз., что объясняется нехваткой бумаги. Помимо газеты был выпущен ряд брошюр (46). Значение газеты для консолидации греческого населения Абхазской АССР и вовлечения его в социалистическое строительство, в культурную, политическую и социальную жизнь края трудно переоценить.

Невзирая на трудности и уже начавшиеся репрессии, газета продолжала успешно выходить, но, несмотря на возрастание тиража, потребности населения в печатном слове она обеспечить не могла (47). Представляют интерес данные о тираже газеты и периодичности их издания в I квартале 1937 г. (48), а также количества селькоров, из общего количества 180 из них в Аджарской АССР — 25, в Грузинской ССР — 25 и Армянской ССР — 4 (49).

Название газеты	Средний тираж	Периодичность в квартал
Советская Абхазия	12 000	74
Апсны Капш	5 000	74
Сабхота Абхазети	10 000	74
Кокинас Капнас	4 000	30
Комсомолец Абхазии	3 000	30

Газета на греческом языке выходила в Абхазии до 1 октября 1938 г. (50).

В 1932 г. при Сухумском музыкальном училище был создан государственный симфонический оркестр, руководителем и главным дирижером которого был О. А. Димитриади, впоследствии народный артист СССР (51). Позже, в 1938 г., еще один грек — В. Куртиди — внес вклад в музыкальную культуру республики, написав музыку к оперетте «Хаджарат». Большое место, как в жизни греческой общины, так и всей многонациональной Абхазской АССР играла многогранная деятельность драматурга, режиссера, актера Федора Григорьевича Канониди (52).

Первая половина тридцатых годов — время наибольшего благоприятствования развитию греческого населения Абхазской АССР. Работают школы, педтехникум на греческом языке, ставятся спектакли, издается газета, греческая община представлена в местных и высших органах власти автономной республики. В то же время решаются многие вопросы земельного-хозяйственного устройства греческого населения республики. Все, делавшееся Советской властью, руководством республики этого времени, в памяти греков, переживших впоследствии многие трудности и трагедию депортации 1949 г., сохранилось как синоним понятия счастливой жизни в Абхазской автономной республике, руководимой Нестором Аполлоновичем Лакоба, дало им чувство родины, осознания Абхазии как своей родной земли.

На заседании ЦИК ССР Абхазии от 21—22 апреля 1930 г. постановили «предложить НКЗему в срочном порядке изучить вопрос о земельном устройстве мало-земельных греков» и выработать мероприятия о переселении и предоставлении им земли в других районах. Работы по осуществлению означенных мероприятий вести в осенний и зимний периоды с таким расчетом, чтобы к весне 1931 г. переселенные крестьяне могли бы приступить к работам на отведенных им землях. Работы по изысканию свободного переселенческого фонда начать с Пиленковского района (53). Предусматривалось определение земельного фонда, организация кредитной помощи, вопросы водоснабжения сел Верхней и Нижней Апыянци и села Андреевского. Этим же постановлением предусматривалось перевести всех учителей общественных греческих школ на бюджет, обеспечить школы учебниками на греческом языке из Рос-

това-на-Дону, организовать курсы для переподготовки учителей, предусмотреть для греков лимиты в вузы, а также перераспределить средства национальных драматических секторов театра с тем, чтобы греческий и армянский драматические сектора были достаточно обеспечены.

Предусматривалось значительно улучшить здравоохранение в греческих селах, для чего дополнительно выделялись средства (54). На базе этого постановления были предприняты практические шаги, положительно сказавшиеся на жизни греческого населения республики, командировывались представители для обеспечения учебниками, развивалась культурная жизнь (55). На 01.01.35 г. в Сухумском госпединституте училось 67 греков, что составляло 17% от общего — 1400 чел. — числа учащихся (56).

Конечно, не все было только хорошо и благополучно в эти годы, так, например, в области образования. «Существующие в Абхазии педтехникумы и педкурсы пока что не сумели дать достаточных преподавательских кадров. Особенно плохо обстоит дело с греческими учителями, среди которых из 96 — 58 с низшим образованием. Среди греческих преподавателей есть бывшие спекулянты, которые не выдержав налогового пресса, бросили свои лавки для преподавания» (57).

Надвигающееся время репрессий конца 30-х годов отразилось и на греческом населении Абхазской АССР. В адресованном секретарю ЦК КП(б) Грузии Берия сообщении говорилось: «Проведенным негласным выборным обследованием положения греческого населения в Азантском с/с Сухумского района, среди греков выявлены переселенческие настроения, усилившиеся в связи с распространением слухов о предстоящей, якобы, присылке греческим правительством судов для возвращения всех проживающих в СССР греков на родину.

Сейчас эти настроения, хотя несколько и спали, однако, а/с элементы не прекращают агитацию за переселение в Грецию, аргументируя необходимость эмиграции тяжелым положением греков в Абхазии. Как показывает обследование, поводов и причин для подобной агитации достаточно и заключаются они в неправильных, зачастую преступных действиях отдельных руководящих работников сельсоветов и колхозов, а также ввиду недостаточного внимания к греческому населению со стороны райорганизаций». Далее в сообщении

перечисляются конкретные факты: «школа не строится, врача нет, дороги нет, отсутствует советская работа, из 450 хозяйств в колхозы вступили 25 и т. д.» (58).

Аналогичные документы, в еще большей степени объясняющие недовольство греческого населения контрреволюционной и антисоветской агитацией и при этом перечисляющие все недочеты работы местных органов, встречаются неоднократно (59). Нужно отметить, что при этом сообщалось, что сказанное в основном относится к грекам, прибывшим в Абхазию в 1917—1918 гг., а также к бывшим крупным торговцам, домовладельцам и церковникам. Возможно, неполнота сохранившихся документов вынуждает особо выделять переселенческое настроение среди малоземельных крестьян, прибывших из Турции в 1918 г. и поселившихся в Абхазии в селе Азанта, части сел Ольгинского, Екатерининского, Башкардашского с/с. Указанные документы, давая достаточно объективный обзор фактов, в своих выводах стремятся свести действительные трудности жизни к агитации, что заставляло принимать неверные меры, чем поддерживались переселенческие настроения.

Народы, населявшие Советскую Абхазию, преодолевая трудности и сложности развития, успешно решали вопросы межнационального мира и согласия. К 15-летию Советской Абхазии (1936 г.) греческое население Абхазской АССР было представлено в системе органов власти следующим образом: членами Центрального Исполнительного Комитета Абхазской АССР были Парсефена Агафоклиевна Константиныди, Харитон Исакович Читлакиди, Кириак Константинович Паротиди, Константин Григорьевич Семерджиев, Филипп Ставровиц Анастасиади, Анастас Феофилактович Энгелов (представитель правительства Абхазской АССР при Грузинском и ЗСФСР Совнаркомх). Кроме членства в ЦИКе Абхазской АССР греческое население автономной республики было представлено в Центральном Исполнительном Комитете Грузинской ССР — Анастасиади Филипп Ставровиц и в Центральном Исполнительном Комитете ЗСФСР — Семерджиев Иван Константинович (60).

На руководящей и хозяйственной работе в местах основного расселения греков в автономной республике были: председатель колхоза «Советская Абхазия» Михайловского сельсовета Франгопуло Дмитрий Ар., колхоза «Эмброс» Кянжев Евстафий Иванович. Председа-

телями сельсоветов — Константиновского — Капаскалис Даниил Панаевич, Екатериновского — Паротиди Кириак Георгиевич (61) и другие.

Вскоре после торжеств, посвященных 15-летию юбилею Абхазской АССР, на автономную республику, как и на всю страну обрушилась волна репрессий. В числе первых репрессированы член КПСС с 1917 г. Семерджиев К. Г., Анастасиади Ф. С., Семерджиев И. Г. (62). Так же сложилась судьба члена партии с 1920 г. Николая Евгеньевича Делавери, одного из первых советских ученых-греков Абхазии, работавшего в 1933—1936 гг. директором Сухумского педагогического института и далее по 1937 г. преподававшего в нем (63). Во второй половине 1938 г. закрылись греческие школы и педтехникум, театр, газета. Конечно, все это касалось не только греков, пострадали все без исключения народы страны, лишившись наиболее ярких своих сыновей и дочерей.

1. Борьба за Октябрь в Абхазии. Очерки. Сухуми, 1981. С. 205.
2. Ленин В. И. ПСС. Т. 43, С. 198, 200.
3. Там же. С. 199.
4. Там же. С. 198.
5. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 156, л. 1.
6. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 12, С. 28.
7. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 165, л. 23.
8. Советское Закавказье. Справочная книга на 1926—1927 гг. Тифлис. С. 262.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIV. ЗСФСР. Москва, 1929.
10. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1973. С. 28.
11. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 90, л. 1.
12. ЦГАА, ф. 2, д. 64, л. 18.
13. Трудовая Абхазия. 1926, 3 июля.
14. Голос трудовой Абхазии, 1924, 28 марта.
15. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 109.
16. Голос трудовой Абхазии, 1921, 3 июля.
17. Голос трудовой Абхазии, 1921, 11 сентября.
18. Трудовая Абхазия, 1926, 3 июня.
19. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 463, л. 7.
20. ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 55, л. 109.
21. ЦГАА, ф. 1, д. 2713, л. 325.

22. ЦГАА, ф. 1, д. 86, лл. 1—92.
23. ЦГАА, ф. 1, д. 254, лл. 69—70.
24. ЦГАА, ф. 1, д. 192, л. 27.
25. ЦГАА, ф. 1, д. 527, л. 1.
26. Там же, лл. 53—54.
27. Там же, л. 9.
28. ЦГАА, ф. 201, д. 1, л. 42.
29. ЦГАА, ф. 1, д. 251, л. 8 об.
30. Там же.
31. ЦГАА, ф. 1, д. 943.
32. ЦГАА, ф. 1, д. 920, л. 34.
33. ЦГАА, ф. 2, оп. 2, д. 87, лл. 25—26.
34. ЦГАА, ф. 2, оп. 2, д. 90, лл. 17—18.
35. ЦГАА, ф. 1, д. 920, л. 29.
36. ЦГАА, ф. 1, д. 920, лл. 28—29.
37. ЦГАА, ф. 1, д. 920, л. 30.
38. Там же, л. 34.
39. Там же, лл. 35, 43, 70.
40. Советская Абхазия, 1927, 19 января.
41. Советская Абхазия, 1927, 27 апреля.
42. ЦГАА, ф. 1, д. 920, л. 1.
43. ЦГАА, ф. 1, д. 1100.
44. Очерки истории Абхазской АССР. Часть II. Сухуми, 1964.
- С. 142.
45. Там же. С. 152.
46. ЦГАА, ф. 79, д. 1, лл. 1—5; лл. 17, 18, 27, 41; д. 3, л. 4.
47. Там же, д. 7, л. 94; д. 3, л. 86.
48. Там же, д. 17, л. 1.
49. Там же, д. 15, л. 8.
50. Там же, лл. 6—7.
51. Очерки истории Абхазской АССР. Часть II. Сухуми, 1964.
- С. 156.
52. ЦГАА, ф. 962, дл. 7—11.
53. ЦГАА, ф. 1, д. 1008, лл. 365—365 об.
54. Там же, л. 365 об.
55. ЦГАА, ф. 1, д. 2246, л. 70.
56. Там же, л. 20.
57. ЦГАА, ф. 2, оп. 2, д. 90, л. 59.
58. ЦГАА, ф. 1, д. 2341, лл. 239—250.
59. ЦГАА, ф. 1, д. 2713, лл. 62—65, лл. 317—325, и др.
60. ЦГАА, ф. 1, д. 650, л. 4; д. 652, лл. 20—21.
61. ЦГАА, ф. 1, д. 2407, анкеты.
62. ЦГАА, ф. 1, ф. 1, д. 2700.
63. Партархив Абхазобкома КПГ, ф. 1, оп. 25, д. 16. Личное дело Делавери Н. Е.

Очерк 4. 1949 год

Эта глава, как и предшествующая, начинается со статистики. Необходимость определения численности греческого населения Абхазской АССР вызывается отсутствием, несмотря на появление публикаций по этому вопросу, достаточно точных сведений о численности депортированных. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., количество греков в автономной республике составило 34 621 человек. За предшествующие 13 лет между переписями 1926 и 1939 гг. греческое население выросло почти на 10 тысяч, с 25,5 тыс. до 34,6 тыс., а если учесть, что за тот же период выехало около 4 тыс. человек, то прирост окажется значительно больше. Если продолжать экстраполировать зафиксированный за 1926—1939 гг. прирост, на следующее десятилетие он должен был составлять 13,8 тыс. человек, что дает общую численность греческого населения Абхазской АССР в 1949 г. — 48 400 (34,6 тыс. + 13,8 тыс. = 48,4 тыс. человек). Возможен и другой путь расчета: в 1939 г. Всесоюзная перепись населения зафиксировала, что удельный вес греческого населения составлял 11,1%, если перенести это соотношение на следующую Всесоюзную перепись (1959 г.) то 11,1% от 4 047,7 тыс. человек, зафиксированных ею, составят 44 922, что на 3,5 тыс. меньше, чем величина, полученная из экстраполяции прироста за 1926—1939 гг. на следующее десятилетие, т. е. на 1949 г. По второму способу расчета на 1949 г. численность греческого населения должна была составить примерно 40 тыс. человек. Оба способа, конечно, не могут заменить точное знание, но все же позволяют хотя бы ориентировочно подойти к действительной численности покинувших Абхазскую АССР в 1949 г. Если даже учесть сильное снижение рождаемости и возросшую смертность в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., увеличение численности населения было не менее 6—8 тыс. человек и следовательно численность греческого населения Абхазской АССР на начало 1949 г. была никак не менее 40—42 тысяч, а скорее больше. Возможен и обратный

расчет, от Всесоюзной переписи населения 1959 г. к 1949 г. и переписи 1939 г., но этот расчет даст значительно менее точные цифры, так как количество неизвестных возрастет, но и при этом получается цифра, примерно равная 40 тыс. человек. В дальнейшем, когда станут известны точные цифры депортированных и выехавших добровольно и полудобровольно, а также точное количество оставшихся на месте греков, станет возможным установить действительные, и следовательно проверить полученные данные.

По таблице численности населения Абхазской АССР на 1 января 1950 г. по городскому населению устанавливается, что в течение года из всех городов автономной республики выбыло 7323 чел., из Сухума — 2866. Установить, сколько из этих 7323 было греков — не представляется возможным. Ориентировочный подсчет показывает, что естественная убыль населения колебалась от 1,0 до 1,5 тыс. чел., и выезд по собственному желанию был весьма невелик — от 500 до 1000 человек, и следовательно на выбывшее греческое население приходится от 5 до 6 тыс. человек, при условии, что эти статистические сведения учитывали иностранных подданных. В разделе «сельское население» таблицы населения Абхазской АССР на 01.01.50 г. нет сведений ни о прибытии, ни об убытии, поэтому можно вывести лишь уменьшение численности сельского населения более чем на 10 тыс. человек, что мало помогает установлению количества депортированных (1).

Сохранившиеся в фонде «Абхазская контора переселенческих колхозов при СНК Грузинской ССР» «Сведения о количестве выселенных и заселенных хозяйств в районах Абхазской АССР» дают количество греческих хозяйств, высланных за пределы автономной республики. Это выглядит следующим образом: Гагрский район — 256 хозяйств, Гудаутский район — 320, Сухумский район — 2734 хозяйства, Гульрипшский район — 1525 хозяйств и Очамчирский район — 127 хозяйств, всего — 4962 хозяйства (2). Известная численность хозяйств еще не дает количества людей, попытка просчитать по хозяйственным книгам Шромского с/с (3) дала неоднозначную картину: от 3,7 до 5,1 человека на одно хозяйство при колебании от 1 человека до 13. Исходя из этих данных получаем численность выселенных от 18360 до 25306 человек. При этом остается неизвестным, вошли в это количество иностранноподданные или

нет. Если считать, что эти данные не учитывают иностранноподданных, то к приведенным цифрам нужно прибавлять 6121 (4). При всей приблизительности и ориентировочности этих данных, средняя цифра колеблется около 22 тыс. человек плюс 6121, плюс городское население и, следовательно, общее количество депортированных около 34 тыс. Эти данные слишком приблизительны и нуждаются в проверке.

По переписи 1959 г., греков в Абхазской АССР 9101 человек (5). Из этого количества необходимо вычесть вернувшихся в 1954—1957 гг. Их численность только по сельской местности составила более 2,0 тыс. человек (был возмещен ущерб 487 семьям) (6), и исходя из размеров средней семьи до депортации ($6121:1308 = 4,67$), численность компенсированных составляет 2274 чел. (7). Сколько из них вернулось в Абхазию — неизвестно, кроме того, вернулись горожане (около 300 семей), исходя из того же расчета это дает величину около полутора тысяч. При этом варианте расчета нужно учесть, что остается неизвестным число вернувшихся в 1957—1959 гг., которое нигде не фиксировалось, и таким образом, в лучшем случае, после депортации основной части греческого населения из Абхазской АССР в восточные районы страны на месте, учитывая естественный прирост, не могло остаться более 5 тысяч. При этом варианте расчета минимальная численность депортированных не может быть меньше 34 тысяч, что косвенно подтверждает оправданность включения в расчет количества иностранноподданных.

Высылаемым было намечено возмещение ущерба, выразившееся в так называемой компенсации, проводившейся в 1950—1952 гг. Содержание ее таково, что даже сегодня становится страшно за переселенцев, так, например, 1079 хозяйств греков Сухумского района получили на среднюю семью (хозяйство) компенсацию за дом, надворные постройки, насаждения, сельхозинвентарь в размере 616 руб. 22 коп. в ценах до 1961 г. или 61 руб. 22 коп. по сегодняшнему курсу (8). Трудно себе представить хозяйство такой стоимости. Скот оценивался по 300 руб. (30 руб. по сегодняшнему курсу) без указания количества голов, причем учитывался только крупный рогатый скот. По одной из хозяйственных книг за 1947 г. в среднем на одну семью приходилось несколько больше 3-х голов крупного рогатого скота, т. е. выходит, что одна голова была оценена в

100 (10) рублей (9). Учитывая, что из Сухумского района было выслано 2734 семьи, а компенсационный список содержит 1079 хозяйств, вполне можно предположить, что иностранноподданным компенсация не предусматривалась.

После этих данных представляет интерес сравнение двух категорий спецпереселенцев (так они именовались в официальных документах) — выселяемых и вселяемых. На выселенных, точнее на компенсацию, было затрачено по Сухумскому району за скот 290 930 руб., за домостроения, надворные постройки, сельхозинвентарь и насаждения — 664 915 руб. или вместе 995 845 руб.

Несколько иное отношение было к другой категории спецпереселенцев, а именно, вселяемым. Постановлением СМ СССР и СМ ГССР и ЦК КП Грузии было решено: «1. Переселить в июне 1949 г. из малоземельных районов Грузии 2000 хозяйств колхозников в Абхазию... на земли, освободившиеся в связи со спецпереселением». 4. «... В связи с тем, что ввиду отсутствия в освободившихся селах необходимого количества домов, пригодных для заселения, нет возможности принять в июне полностью намеченный к переселению контингент, обязать Совет Министров Абхазской АССР..., Абхазский обком КП(б) Грузии... в месячный срок представить предложения о дополнительном переселении 500 хозяйств колхозников из малоземельных районов Грузии. 5. В целях надлежащего хозяйственного устройства переселяемых колхозников и укрепления вновь организованных колхозов, обязать Совет Министров Абхазской АССР..., Абхазский обком КП(б) Грузии, а также Министерство сельского хозяйства Грузинской ССР: а) передать переселенческим колхозам все имущество колхозов, в которых состояли спецпереселенцы — многолетние насаждения, здания и сооружения, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, посевы, денежные и натуральные фонды — безвозмездно; б) наделить переселяемых колхозников приусадебными участками площадью от 0,5 до 1 га; в) передать колхозникам переселенцам в местах поселения жилые дома и другие хозяйственные постройки, а также многолетние насаждения и поголовье скота, выкупленные у спецпереселенцев, с оплатой их оценочной стоимости, ... 6. Обязать Грузинскую контору Сельхозбанка СССР отпустить переселенцам долгосрочный кредит на приобретение домов, скота, и хозяйственное

обзаведение из расчета 10 тысяч рублей в среднем на хозяйство... 8. Перевозку колхозников-переселенцев и их имущество в новые места расселения произвести за счет специальных средств Совета Министров Грузинской ССР... 10. Поручить Министерству мясомолочной промышленности Грузинской ССР организовать приемку от переселяемых колхозников их личного скота, если они этого пожелают, с тем, чтобы взамен выдать соответствующее количество скота на местах нового поселения» (10).

Переселенцам в Абхазию, кроме перечисленного, были выделены 720 тыс. руб. и целевым назначением — средства для сооружения 15 км водопровода, предусматривалось перебросить 344 жилых дома колхозников в Абхазию, выделить лесоматериалы, и было рекомендовано колхозникам-переселенцам в месячный срок продать старые дома (11). Сохранились отчеты о том, что, например, в селе Одиши все переселенцы (132 хозяйства) получили дома и коров, оставленные выезжавшими (12), в селе Ахалшени все 103 переселенческих хозяйства получили дома (13), т. е. принятые решения успешно выполнялись.

В 1949 г. для нужд спецпереселенцев Сухумского района было затребовано кредита 12 028 500 рублей, из которых было освоено 7 965 000 рублей, по Гульрипшскому району аналогичные цифры составили 6 210 000 руб., и 4 062 300 руб. (14). Кроме того, было выдано несколько сот тонн продовольственной ссуды.

Другие документальные данные, отражающие историю депортации греческого населения Абхазской АССР, автору неизвестны, но само сравнение двух групп переселенцев наглядно говорит о принципиально разном отношении правительственных учреждений к ним.

Эта разница в отношении со стороны руководства страны, республики, региона к двум группам советских граждан (иностранноподданных в рассматриваемые группы не включали) заставляет искать ответ в общих направлениях внутренней и внешней политики страны.

О причинах массовых репрессий руководства страны против собственного народа написано уже немало работ, содержащих разные объяснения происшедшего. Эти работы, однако, не дают да, видимо, и не могут дать полного объяснения причин, вызвавших трагедии целых народов. Лиц, причастных к принятию этих антинародных решений, практически уже нет в живых, а со-

хранившиеся документы еще не доступны широкому кругу исследователей.

С достаточной долей вероятности можно предположить, что «идея виновности народов» вынесена из практики царского правительства, в свое время объявившего, например, абхазцев виновным народом. Но даже в этом случае народ должен за что-то отвечать. За что же могли отвечать греки, жившие в Абхазии в 1949 г. Хотя это и абсурдно, но только за поражение Демократической армии Греции (ДАГ) от объединенных сил королевской армии и армии США. Других причин нет.

Второй предположительной причиной можно считать необходимость ускоренного заселения и промышленного освоения восточных территорий страны, что уже применялось по отношению к другим народам, да и к греческому населению Крыма еще в 1944 г. Можно думать, что предполагалась опасность расселения трех-четырёх десятков тысяч греков вблизи границы. Хотя никаких фактов государственной измены представителями греческого населения Абхазской АССР нигде не зафиксировано.

Помимо внешних факторов, видимо, существовало и желание определенных лиц на местах избавиться от «пришлого», по их терминологии, населения. Ставшее гласным в годы перестройки стремление многих национальных групп избавиться от «мигрантов», «инородцев», «пришлых» и т. д. сформировалось не вчера и даже не позавчера и сыграло определенную роль в депортации греческого населения Абхазской АССР, да и не только Абхазской АССР.

Видимо, совокупность этих причин определила принятие решения о депортации греческого населения Причерноморья в восточные районы страны, отбросила их назад в социальном, политическом, культурном, духовном развитии, превратило в «спецпереселенцев», «временно проживающих» и т. д.

Первые предвестники 1949 г. прозвучали для греческого населения страны еще в 1938 г. закрытием греческих (и не только греческих) школ, техникумов, газет, издательств и т. д. и т. п. Даже участие в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945 гг., боевой и трудовой подвиг не изменили отношения административно-командной системы к советским грекам. Они стали явно нежелательным пришлым населением на берегах Черного и Азовского морей. Греческое насе-

ление Абхазской АССР не было затронуто депортациями 1944 г., но и оно ощутило их. Так, например, в составе Сухумского районного истребительного батальона количество греков превышает четверть списочного состава, а среди награжденных только три человека. Начальник штаба батальона Григорьев вспоминал, что ему просто запретили включать греков в списки представляемых к наградам.

Отсутствие официальных документальных источников о том, как проходила депортация, вынудило воспользоваться воспоминаниями лиц, подвергшихся депортации в восточные районы страны греческого населения Абхазской АССР. Резюмируя их воспоминания, получаем, что выселение для тех, кто был отнесен к категории иностранноподданных, было неожиданным, к нему не дали подготовиться, собраться, на сборы в лучшем случае давались часы. Практически была исключена реализация принадлежащего переселенцам имущества. В весьма ограниченных размерах была предоставлена и возможность взять что-либо с собой.

В особо трудном положении оказались сельские жители, у которых движимое имущество составляло материальную долю всего имущества. Спонтанно внутри самих депортируемых возникла или же была подброшена версия, что выселяют их в Грецию, но в связи с тем, что Турция не дает согласия на проезд по своей территории, переселение будет проходить через Иран. Тем горше было разочарование поверивших, когда выяснилось, что путешествие заканчивается в местах, никак не напоминающих родные, и к тому же весьма далекие от Греции.

Все это, включая и главное — непонимание причины депортации и отсутствие малейшей вины — вызвало ряд эксцессов, столкновений с силами обеспечения «порядка», повлекшими человеческие жертвы.

Неприспособленность к условиям новых мест обитания, а это были то лагеря военнопленных, то иные столь же «приспособленные» для «свободной и счастливой жизни места», и отсутствие в достаточном количестве как финансовых, так и материальных ресурсов, у спецпереселенцев вызвали сильный рост смертности, по словам некоторых, даже массовую смертность.

Затрагивая последствия этой позорной для нашего государства акции, необходимо отметить, что они и сейчас, через 4 десятилетия, сказываются на духовном

здоровье греческого населения страны, и не только тех, кто сам лично физически был депортирован, а всего греческого населения, даже самой его благополучной части, избежавшей депортации и много добившейся в жизни. Прерванные традиции, разрыв между поколениями носителей духовного богатства народа — это только мелкие фрагменты потерь, видимые невооруженным глазом. Самая заметная часть айсберга бедствий 1949 г., особенно сильно проявляющаяся сейчас, в период национальных фронтов и движений, — это практическое отсутствие таковых у греческого населения Абхазской АССР, заменяемое намерениями у молодой, самой активной части греческого населения, стремлением выехать за границу, эмигрировать. Неверие в перестройку, в возможность быть равноправным гражданином родной страны у значительной части советских греков есть наиболее зримое отображение в памяти народной воздействия депортации 1949 г., отображение, вылившееся во вполне реальную эмиграцию.

То, что было понятно еще Петру I и Екатерине II — богатство и преуспевание страны заключено в ее народе вне зависимости от национальной принадлежности — было отброшено в пользу умозрительного, лозунгового проектирования будущего, насильственного перемещения народов, разделения их на категории благонадежности по чисто национальному признаку, нанесло еще не исправленный ущерб экономическим интересам страны, который продолжается и сегодня, не говоря уже об ущербе нравственном, духовном. Недоверие, озлобленность, неприятие представителей других наций как равных и др., развившееся практически у всех народов страны, вызвано деяниями административно-командной системы, в том числе и депортациями и спецпоселением признанных системой «виновными» народов.

Попытки действительного решения национального вопроса столкнулись с непреодолимыми в то время трудностями. Он был объявлен решенным, а сомневающиеся в этом люди и народы убеждались силой. Перемешивание народов, вызванное волей отдельных людей, объявление их превентивно виновными привело к полной запущенности этого вопроса, и сегодняшний всплеск национального неприятия всех всеми подготовлен и обеспечен этим прошлым теоретизированием над судьбами и жизнями народов.

Депортация греческого населения Абхазии в 1949 г. нанесла ущерб не только грекам, но и всем народам, жившим рядом и вместе. После этих событий изменился сам духовный климат в автономной республике. На фундаменте прошлого строится настоящее, дефекты фундамента навсегда остаются в постройке, если не замечать их больные места, не перестроить. Страна, начавшая перестройку, не должна забывать, что в числе сквозных ран прошлого и депортация 1949 года.

1. ЦГАА, ф. 12, оп. 2, д. 20, л. 1.
2. ЦГАА, ф. 618, д. 33, л. 27.
3. ЦГАА, ф. 208, д. 24, 31, 351.
4. Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX — 70-е гг. XX вв.), Сухуми, 1989, С. 24.
5. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник, Тбилиси, 1973, С. 30.
6. ЦГАА, ф. 2, оп. 6, д. 288, л. 14.
7. Лежава Г. П. Указ, соч.
8. ЦГАА, ф. 208, д. 31.
9. Там же.
10. ЦГАА, ф. 2, оп. 6, д. 156, лл. 102—105.
11. Там же, лл. 129—132.
12. ЦГАА, ф. 618, д. 33, л. 64.
13. Там же, л. 43.
14. Там же, лл. 22—23.

Очерк 5. 1956—1957 и ДРУГИЕ ГОДЫ

Пересмотр деяний периода культа личности, гласно заложенный докладом Н. С. Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. «О культе личности и его последствиях», фактически был начат раньше, в том числе и по рассматриваемому вопросу. В ноябре 1955 г. постановлением Совета Министров СССР ряд категорий спецпоселенцев был снят с учета и освобожден из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР. Далее последовал ряд правительственных актов, освобождавших и другие категории граждан от ужасов спецпоселения. Практически всеми этими документами как правительством СССР, так и правительствами союзных и автономных республик однозначно и четко дается правовая оценка незаконной высылки граждан греческой национальности, но это признание незаконности и неправомерности действий руководящих органов страны по отношению к гражданам определенной национальности своей страны, наказанных именно за принадлежность к этой национальности, не было широко обнародовано. Исправление допущенных незаконных деяний проводилось методами и средствами той же самой административно-командной системы, которая пошла лишь на ограниченную реабилитацию всех репрессированных режимом народов, не завершив ее до сих пор. При частичной реабилитации первого этапа 1955—1957 гг. было нарушено естественное право депортированных народов на полную свободу перемещения и главное на возврат в родные места всех без исключения категорий переселенцев. Сохранившиеся от прежнего этапа развития взгляды и критерии, отсутствие закона, юридически оформляющего права человека, замена его распоряжениями, не дали возможность завершить реабилитацию «наказанных» народов. По-человечески можно понять, что повернуть взгляды людей одномоментно на 180° невозможно, особенно если эти же люди проводили по постановлению депортации, а через несколько лет стали проводить в жизнь решения о незаконности

депортации; понимание этой двойственности не делает более легкой судьбу спецпоселенцев. С одной стороны, они стали вроде бы полноценными и полноправными гражданами, с другой — сохранялась условность этого гражданства. Пример, один из родителей — иностранно-подданный, второй умер во время высылки, дети — советскоподданные, при этом получается, что вернуться всей семьей и получить компенсацию, не говоря о возврате имущества, они не могут. Решения и постановления, сами по себе становящиеся законом, определили, что значительная часть спецпоселенцев не могла получить незаконно отобранное у них имущество, т. е. они практически не могли вернуться на родину столь же компактно и полностью, как их высылали. Незавершенность и вытекающая отсюда двойственность реабилитации середины 50-х годов, при всей мужественности инициатора, не вернула спецпоселенцев в исходное положение, а оставила их на полпути к полноценному гражданству, потому что не может быть полноты прав гражданина без права жить на земле, которую он сам считает родиной, без права, если он невиновен, получить обратно все, чем он владел до репрессий. В это же входит не только и не столько материальное имущество, сколько духовные ценности, такие, например, как справедливость, равенство, свобода совести, наконец. «Немалый вред делу интернационализма был нанесен ревизией ленинского положения о свободе совести, что нередко вело к разрушению историко-культурной среды и отрицательно сказалось на межнациональных отношениях, стимулировало рост клерикального национализма» (1). Неполнота реабилитации, закрепив синдром неполноправности, вызвала значительную эмиграционную волну. При отсутствии достоверных, да и вообще официальных данных, установить количество вернувшихся на прежнее место жительства, эмигрировавших, оставшихся в местах спецпоселений, затруднительно. Удар, нанесенный депортацией по духовному миру попавших в ее жестокую мясорубку «виновных» народов для греческого, татарского и немецкого народов СССР оказался наиболее тяжелым по причине его наибольшей длительности, и только текущий период — то, что названо перестройкой — начал процесс возрождения духовной общности каждого из этих народов. В существовавшем, да и официально еще существующем определении нации среди общности территории, языка, экономической

жизни, культуры и некоторых других признаков начало выдвигаться на передний план осознание себя тем или иным народом. Для этого, оказывается, не нужны ни общность территории и даже языка, достаточно того, что человек считает себя представителем, элементарной частицей того или иного народа, нации. Сегодня, видимо, невозможно решить, что это — переходный период тех или иных этнических общностей или формирование нового мировоззрения на национальные проблемы.

Автор не ставил и не ставит целью выяснить, чем вызвана определенная локальность депортаций, по какому принципу подбирались выселяемые народы и отдельные люди, ведь выселены были не все, и почему при всем неуважении административно-командной системы к внутрисоюзным границам в некоторых случаях они соблюдались. Рассуждения о том, что то или иное деяние того периода объясняется злой волей или плохим настроением одного или нескольких человек, не выдерживают критики. Несомненно была некая концепция в национальной политике, объяснявшая, хотя бы для ее создателей, причины неравномерного отношения государства к своим гражданам по национальному признаку. Без ссылок на конкретные документы объяснить причины депортации, связь сроков ее проведения и районов расселения представляется невозможным. Это относится и конкретно к греческому населению определенного региона и именно в 1949 г. Это задача другого исследования, которое станет возможным при появлении в научном обороте всех документов рассматриваемого периода. На чем основывается убеждение, что была какая-то система взглядов на необходимость таких акций? На следующем, пусть чисто поверхностном рассуждении: выселение советских немцев объяснялось их национальным родством с населением Германии, с которой СССР находился в состоянии войны и, якобы, их враждебным отношением к СССР; крымских татар — и некоторых других народов, в том числе и греческого населения Крыма — предательством во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., несмотря на то, что большая часть военнопленного мужского населения Крыма, служила в Советской Армии. Выселение греков с Черноморского побережья отличается тем, что не была высказана, пусть формальная, но причина. Было осуществлено наказание ни за что.

Реабилитационный процесс 1955—1957 гг., несмотря на его ограниченность, создавал предпосылки для максимально возможного исправления допущенной несправедливости. Однако незаконченность и юридическая незавершенность принятых решений вскоре стала тормозом, затруднявшим и практически приостановившим уже в конце 1956 — начала 1957 г. возвращение депортированных в Абхазскую АССР. Помимо ограниченности правовых актов существовала и вполне объективная трудность, для слома которой тогда еще была возможность, а сегодня уже нет. Одним из самых существенных факторов, замедливших и приостановивших возвращение депортированных было то, что дома, земельные участки, насаждения, инвентарь, скот, городские квартиры были уже заселены и заселены в основном людьми также насильно, т. е. исправление одной несправедливости влекло за собою другую. При всем этом нельзя забыть, что в 1956 г. все вселенные в греческие дома хорошо знали, что они живут в домах, построенных чужими руками и реэвакуация не могла вызвать серьезных моральных возражений. Сегодня этой возможности нет.

Сохраняя отношение к депортациям не как к преступлениям, а как к ошибкам, исправление которых дело тех же чиновников, которые их допустили, административно-командная система, предусмотрев материальные ресурсы для частичной компенсации, не сделала главного, не признала гласно и открыто факт незаконности депортации греческого и других народов. Не только и не столько материально-правовая сторона уменьшила возврат греков в Абхазскую АССР, сколько отсутствие уверенности в завтрашнем дне, отсутствие гласной реабилитации, осознание своей бесправности, незащитности перед законом и аппаратом управления. В этом вопросе проблемы греческого населения смыкаются с общесоюзной проблемой создания правового государства.

В силу разных причин, в том числе и из-за закрытости правительственных решений и медлительности местных органов в районах спецпоселений, возвращение началось значительно позже, чем об этом можно судить по датам принимавшихся решений. И если выезд был единым для всех, то возвращение неизбежно должно было затянуться во времени, что и произошло в действительности. Наиболее энергичные сумели вернуться и

в нелегких схватках доказать свое право на проживание в Абхазской АССР. Нужно сказать, что это легче было сделать городским жителям, получившим право добиваться рассмотрения вопросов возврата домовладений и имущества через суд. Права обращаться в народный суд были лишены сельские жители. Реабилитационными актами им предусматривалась денежная компенсация имущества. Иностранноподданным, а к таковым причислялись и те, кто принял его в любой период Советской власти (т. е. советскоподданными считались только те, кто принял русское гражданство до революции), ни реабилитация, ни возмещение ущерба не намечались. Как уже указывалось, денежную компенсацию получили около 500 семей, т. е. одна десятая высланных сельских семей. Причину этого полностью установить не удалось. Количество высланных как иностранноподданных составило 6121 человек (900 хозяйств, 1308 семей). Более 25 тыс. человек «добровольно» поехали вместе с ними (2). Можно предположить, что имелись и другие причины того, что значительная часть спецпоселенцев не получила компенсации. Часть их, видимо, не имела возможности добиваться компенсации в силу слабого владения языком, низкой грамотности, распада семей, просто боязни напомнить о себе. Видимо, играло роль и неверие в возможность правовым порядком получить пусть частичную компенсацию.

Рассматривая вопросы восстановления прав греческого населения Абхазской АССР, нельзя повторно не коснуться событий, имевших место за четверть века до рассматриваемого времени. Официальные документы проверок, производившихся советскими и партийными комиссиями, отмечают чуть ли не насильное записывание греков, живших в селах, в иностранное, т. е. греческое подданство, что отразилось на восстановлении их имущественных прав в 1955—1956 гг. Проще говоря, грекам (учитывая сказанное, вынужден писать «не бывшим», а именно считавшимся иностранноподданными) ничто созданное ими многими годами труда не было возмещено. Невольно складывается впечатление, что те, кто лишал по сути говоря греков советского подданства в 1930 г., готовил и конкретные документы реабилитации на подправительственном уровне в 1955—1957 гг. Никаких доказательств этому у автора нет, но сама логика событий диктует столь жесткий вывод. Речь, конечно, не идет о конкретных людях, но может

это и есть кусочки мозаики неизвестной концепции «виновности без вины». В чисто документальной работе не следует, конечно, взывать к римской формуле: ищите, кому это выгодно; можно только взывать: ищите документы.

Возможно, что все это не так, и депортация связана с внешнеполитическими или иными факторами, сегодня маловажными, а тогда руководству показавшимися оправданием бесчеловечной акции. Скорее всего истина многолика и все перечисленное стало составными частями в принятии решения о выселении.

Отсутствие документов по спецпереселению — характерная черта вопроса. Только недавно «Аргументы и факты» опубликовали сведения о количестве спецпереселенцев с разбивкой по национальностям на 01.01.53 г. (3). В этой информации есть данные о количестве спецпоселенцев по национальностям и датам их выселения, примерно подтверждая численность — более 30 тыс. человек — высланных из Абхазской АССР. Понятно, что учесть процент смертности, а также естественный прирост — не представляется возможным. Когда появится возможность использовать все документы, тогда и только тогда могут быть получены более или менее полные ответы на многие вопросы отечественной истории вообще и истории греческого населения Советского Союза, в частности.

Добровольно принятое обязательство писать только то, что разрешено действующими правилами и инструкциями, а не все то, что известно, вызвало почти полное отсутствие указаний на источники и в этом недостаточном конкретном очерке, где документальные факты подменены рассуждениями. Не могу не отметить, что партийное руководство Абхазской АССР и ее правительство в 1957 г. и позже неоднократно ставили вопрос о продолжении возврата греческого населения, уроженцев автономной республики, выплаты компенсации тем, кто в силу тех или иных причин не имел возможности вернуться в Абхазию. К сожалению, добиться позитивного решения этого вопроса руководство автономной республики не смогло.

Отсутствие своевременного решения о полной реабилитации советских греков, подкрепленного соответствующими действиями, затянуло решение этого вопроса более чем на три десятилетия и сделало его во многих аспектах невыполнимым. До самого последнего вре-

ранее. Во всех суждениях, как старшего, так и более молодого поколения отчет идет так, как будто не было реалий последнего сорокалетия. Часто можно встретиться с рассуждением, что не будь депортации 1949 г. и ранних волн не всегда добровольных эмиграций, то греческое население составило бы около 20% населения автономной республики и вполне возможно, что перенесенная на настоящее память о происшедшем и несоответствие настоящего этой памяти отцов и дедов — создают эмоциональную основу стремления к выезду. Это объясняет и преобладание эмигрантских настроений у младшего поколения.

Всякий исторический период выдвигает своих представителей. С середины XIX в. — период энергичных, не очень образованных моряков и торговцев, из которых и возникло крупное (по Сухумским масштабам, конечно) купечество и национальная интеллигенция. Следующие — это участники революции, ставшие затем первыми советскими руководителями и новой советской греческой интеллигенцией. Перерыв в нормальном непрерывном развитии, вызванный депортацией, нарушил в очередной раз преемственность, что заставило повторить процесс формирования интеллигенции.

Три десятилетия после начала реабилитации дали краю и стране не только табаководов и садоводов, но и многие сотни специалистов разных областей народного хозяйства, науки и культуры. Это, кроме ранее названных, доктор сельскохозяйственных наук Т. Х. Самоладос; крупный руководитель сельскохозяйственного производства, ныне председатель колхоза им. Ленина с. Одиши Сухумского района Е. Г. Анастасиади; партийные, советские и хозяйственные руководители отец и сын И. С. Константиныди и Н. И. Константиныди; начальник бюро товарных экспертиз Абхазского отделения Торгово-промышленной палаты Грузинской ССР, кандидат экономических наук И. П. Кардашиди; член бюро Абхазобкома КП Грузии, строитель С. И. Феофаныди, ответственные советские и партийные работники И. Х. Зелилов, Х. Г. Политидис, Н. И. Мистакопуло; заслуженный учитель республики Елена Эмануиловна Метафиди; врачи: П. П. Бумбуриди, заслуженный врач ГССР, кандидаты медицинских наук: И. А. Джомиади, А. И. Пистопуло — судмедэксперт Абхазской АССР; главный нарколог Абхазской АССР Н. Л. Димитриади, ведущий нейрохирург республиканской больницы

П. Г. Стилиди; деятели культуры — певица Жозефина Бумбуриди, заслуженный деятель искусств, режиссер Д. П. Бумбуриди, поэт Н. Г. Патулиди, заслуженный артист Абхазской АССР, скрипач В. С. Халаписис; секретарь обкома профсоюза автотранспортников К. Г. Пайсаниди, начальник РСУ Сухгорисполкома К. М. Лазариди; работники правоохранительных органов: Д. Ф. Колпакиди — начальник штаба Сухумского городского отдела МВД Абхазской АССР, старший следователь Сухумского ГОВД, заслуженный работник МВД Абхазской АССР И. А. Джомиади, прокурор прокуратуры Абхазской АССР С. И. Стилиди; физики: кандидаты физико-технических наук А. Чиликиди и С. Ставриони-ди; заслуженные строители Абхазской АССР Н. П. Заграфопуло, Ф. Канетис и Папаавромиди; спортсмены: тренер по тяжелой атлетике В. М. Михайлов — заслуженный тренер Грузинской ССР; Н. И. Яхиопуло — неоднократный чемпион Грузинской ССР по плаванию, заслуженный тренер Грузинской ССР; заслуженный мастер спорта СССР и заслуженный тренер Грузинской ССР по футболу Г. С. Граматикопуло; чемпион СССР, штангист О. А. Караяниди; боксеры и борцы А. К. Сидиропуло, заслуженный тренер Грузинской ССР Ф. А. Харлампыди, К. Х. Зелилов, члены сборной команды страны по боксу 60-х годов П. А. Харлампыди, А. В. Попандопуло и многие другие.

1. Смирнов Г. Образование СССР — воплощение ленинской концепции федерации свободных наций // Политическое образование, № 12, 1989, с. 43.

2. Лежава Г. П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. — 70-е годы XX в.). Сухуми, 1989, С. 24.

3. Аргументы и факты, № 39, 1989, 30 сентября, 6 октября.

Очерк 6. НАСТОЯЩЕЕ ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗСКОЙ АССР И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

По Всесоюзной переписи 1989 г., на территории Абхазской АССР проживает 14 664 грека, что составляет 14,6% от общей их численности в Грузинской ССР. До 1949 г. греки, жившие в Абхазской АССР, составляли более трети всех греков Грузинской ССР. 14 тыс. 664 человека — это 42% от численности греческого населения Абхазской АССР в 1939 г. Такова печальная статистика последнего полувека, обусловленная политическими и социальными реалиями этого периода.

Перестройка, демократизация, гласность позволили не только признать факт нерешенности вполне реально существующего национального вопроса, но и факты ничем не обоснованных репрессий по отношению к целому ряду народов, в том числе и греческому. На повестку дня поставлен вопрос полной реабилитации этих народов и главное — поиск путей исправления допущенного произвола и обеспечения национального развития каждого народа страны.

Сложности наполнения реальным содержанием декларированного права каждого народа на сохранение и развитие национальной самобытности исключительно велики и не имеют пока даже теоретического окончательного решения. Возникшие в последние годы конфликты, национальная рознь показали, что болезнь загнана глубоко внутрь, что совокупность причин, вызывающих национальное противостояние, не может быть быстро ликвидирована и тем более не может исчезнуть сама собой. Не может реальное противостояние интересов людей, одни из которых получили и получают больше благ всех видов, а другие лишены их, исчезнуть без создания действительного политического и экономического равноправия. Следовательно, чтобы решить национальные проблемы народов по разным причинам имеющих более низкий статус в местах своего расселения, необходимо, прежде всего, обеспечить их политическими правами в объеме, не уступающем та-

ковым у остальных народов и сделать это на всей территории страны.

Трудности кажутся еще большими, если вспомнить некоторые межнациональные конфликты последних лет, когда неприятие требований, а иногда только пожеланий стороны, испытывающей нехватку национальных прав, несоблюдение ее интересов, воспринималось другой, а правильное, противной стороной как национальное оскорбление, и голос эмоций глушил голос разума, доброты, чувства справедливости, и это противостояние уже не раз за последние несколько лет приводило к кровопролитию. Приходится признать, что, привыкнув к суррогатам правды, истории, справедливости слишком многие из нас слышат только своих соплеменников, а те, кто понимает абсурдность того, что два народа, проживающие, как минимум, несколько десятилетий в дружбе и братстве, бросаются друг на друга с оружием в руках, умолкают под натиском экстремистов крайне националистического толка.

Именно непонимание, добавим, и неприятие, интересов другой стороны делает очень трудным решение составной части реабилитации — создание национально-территориальных образований народов. Многими, проживающими на территории будущего образования, это будет восприниматься как ущемление уже их национальных интересов. Отсюда следует, что фактическому образованию новых национальных автономий должна предшествовать большая подготовительная работа, постепенность и поэтапность. Любые политические решения в такой межнациональной и громадной стране, как наша, обязательно должны учитывать факторы, рождаемые психологией того или иного народа.

В рамках рассматриваемой темы невозможно обойти процессы, происходящие и внутри греческого населения страны.

Более чем тысячелетние научно зафиксированные контакты греков с Россией и еще более древние с народами Причерноморья не были односторонним процессом. Исторические судьбы каждого из народов сложились так, что чаще поток эмиграции шел из Греции в Российское государство. Более массовое направление эмиграции из Греции определено объективными факторами развития. Но при этом всегда существовало и обратное движение. Происходило так во все времена, а не только сейчас, когда, по сообщениям прессы, в Гре-

ции 350 тыс. человек владеют русским языком. Движение людей, составляющих народы, бесконечны, во времени меняются лишь приоритетные направления. Разными причинами объясняются места преимущественного расселения новых граждан. Не затрагивая всю толщу веков и связей ограничимся тем, что к началу Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг. на территории Советского Союза компактно, если не считать Москву и Ленинград, греки жили в Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе, Черноморском побережье и в Грузинской ССР. После депортации 1944—1949 гг. исчезли греческие поселения в Крыму, на Черноморском побережье, и образовались лагеря спецпоселенцев в Казахстане и Средней Азии и, само собой — в различных объектах ГУЛАГа.

Частичная реабилитация 1955—1956 гг. позволила некоторой части греков вернуться в места прежнего расселения, но не вернула и не могла вернуть прежнюю этническую ситуацию в местах прежнего расселения. Там, где они были, если не первожителями, то уж во всяком случае долгожителями, они стали не очень желанными гостями. Такая ситуация, как в лагерях, так и в местах возвратного населения стала способствовать национальной замкнутости, а вместе с чувством гражданской неполноценности и неуверенности в завтрашнем дне рождала и встречное чувство национальной исключительности, подчеркнутое осознание себя эллинами в чуждой стране, что готовило почву к расширению эмигрантских настроений. Подспудно зревшие, они как бы неожиданно всплыли вместе с начавшимися экономическими затруднениями страны и стали весьма заметны при прорвавшихся наружу межнациональных конфликтах. Привыкнув, что при конфликтах страдают прежде всего они, греки, во всяком случае заметная их часть, прореагировали на ситуацию подачей заявлений на выезд в Грецию. Идущая эмиграция, к сожалению, имеет тенденцию к расширению. Особо нужно отметить, что во многих случаях инициаторами переселения становятся молодые люди, родившиеся после печальной памяти депортаций 1944—1949 гг. При широте родственных связей рост в относительно локальных группах эмиграции может идти в соответствии с правилом «снежного кома», т. е. в геометрической прогрессии, т. е. возникает угроза существованию конкретной этнической общности — советских греков.

Процесс ассимиляции — реально существующий постоянный процесс, обогащающий человечество, но только в том случае, если он не форсирован, не насилён. В случае насильственности происходит не слияние нескольких народов в один новый, взявший все ценное и лучшее у своих прародителей, а гибель всех, кроме одного, который не только не становится духовно и культурно богаче, а наоборот, беднеет, теряя многие духовные ценности — от языкового богатства до милосердия. Искусственную ассимиляцию народ не может принять и борется против нее всеми доступными способами, вплоть до крайних.

Сегодня бурные события в Прибалтийских республиках, а также некоторых других, являются в значительной степени обратной реакцией на ту ускоренную ассимиляцию, которая лишала их самобытности. Дело не в том, что процессы слияния народов не есть историческая закономерность, дело в том, что ее нельзя вводить декретом. История должна вершиться в исторические сроки.

В этой же ситуации оказались советские греки, борющиеся против стремления выехать.

Одной из попыток сохранения национальной самобытности советских греков, иногда их называют понтийцами, т. е. греками Черного моря, стала организация Всесоюзного общества советских греков — ВОСГ СССР на учредительной конференции 15—16 июля 1989 г. Важнейшими задачами общества стали: а) полная реабилитация советских греков и б) создание государственности. Конечные задачи общества не ограничиваются этими двумя, но основными политическими они являются несомненно.

К теме работы наиболее близка вторая, поскольку греческое население Абхазской АССР за последнее столетие прошло некоторые из этапов национального становления. Достигнув не территориальной, но относительной политической практической автономии сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции через буржуазный Сухумский национальный эллинский совет, они уже в первые годы Советской власти были близки к образованию национального района, обладали национальными сельскими Советами, газетой, педагогическим училищем, школами, театром, т. е. были политически и социально защищены как нация. Появились свои писатели, музыканты. Вполне допускаю, что

в долгие годы спецпоселения и отсутствия полной реабилитации именно память о том, что они имели на берегу родного Черного моря в Абхазии, сохранило в них чувство родины, удерживало от массовых эмигрантских настроений. Те, кому удалось вернуться в Абхазию, которую они считали и считают родиной, до самых последних дней воздерживались от эмиграции. Молодое поколение, не испытавшее чувство хозяина родной земли, более мобильно, подвижно, что и вызывает выезд в другие регионы страны и главное за рубеж. На учредительной конференции ВОСГ было предложено несколько вариантов государственности советских греков. Сегодняшнее расселение — есть реальность, нарушить которую можно, лишь сломав сложившиеся в последние десятилетия сочетания этносов. Любой вариант сломов — есть насилие. Следовательно, только естественный миграционный процесс сегодня может стать реальностью, исходя из которой возможно построение государственности греков. Спустя четыре десятилетия, несмотря на запреты и ограничения, значительная часть греков снова поселилась на берегу Черного моря или поблизости от него, сохранив обширные поселения в Приазовье. Остальные места расселения или быстро уменьшают численность населения, как, например, поселения в Казахстане и Средней Азии, или сохраняют стабильную, но относительно невысокую численность. Таким образом, автономное национально-территориальное образование советских греков типа автономной области или автономного округа сегодня возможно только в двух местах страны. При рассмотрении этого вопроса на учредительной конференции ВОСГ предпочтение было отдано территории от Анапы до Туапсе вдоль берега Черного моря. Максимум — по мнению учредителей ВОСГ — автономная республика. Предпосылки для осуществления этого максимума есть, но для их воплощения в жизнь нужен большой труд, обязательная поэтапность и время. Но действительность такова, что последнего элемента — времени — катастрофически мало и, видимо, нужно решать вопрос создания более мелких национально-территориальных образований.

Как себе представляют сегодняшнюю данность реальных факторов и желательность достижения цели председатель Всесоюзного общества советских греков народный депутат Г. Х. Попов и часть членов общества?

— Создание автономий разных уровней от автоном-

ной области в районе г. Мариуполя, до национальных районов в местах меньшего компактного расселения советских греков. Одновременно с этим их полномочные представители образуют, назовем его так, Национальный совет советских греков. Этот совет по замыслу должен выполнять функции правительства политерриториальной Советской автономной социалистической республики советских греков. Своеобразный союз — точнее ассоциация национально-территориальных национальных образований разных уровней — это принципиально новое предложение в области совершенствования структуры союза народов, образующих СССР. Модель непривычна, но позволяет предусмотреть действительное равенство в области национального представительства в высших и республиканских органах государственной власти. Предложенный вариант автономного образования представляется возможным и для других народов, как имеющих национально-территориальные образования на территории СССР, так и не имеющих таковых.

Понятно, что предложенная политерриториальная автономия не является еще окончательно разработанным планом, готовым к практическому внедрению, но явновидимые удобства и возможность наиболее быстро и в нынешних условиях наиболее полно обеспечить национальные интересы народов, не имеющих своих национально-территориальных автономных образований во всех Советах как по вертикали, так и по горизонтали делают его приемлемым для всех сторон. Рассматриваемое предложение хорошо еще и тем, что оно не предусматривает организованное перемещение значительных масс населения, но, конечно, не запрещает отдельным гражданам выбирать место жительства по своему усмотрению.

У политерриториальной автономии есть еще одно, в сегодняшней национальной ситуации, весьма существенное достоинство — она минимально затрагивает как подлинные, так и мнимые интересы других народов, сохраняя почти неизменными условия расселения народов и не требует слома границ между существующими республиками, но в то же время значительно стабилизирует положение греческого населения, обеспечивая ему чувство национального и социального комфорта. Указанная сторона вопроса исключительно важна, так как практика показала, что перемещение народов или частей их практически всегда отзывается кризисной ситуа-

цией как для прибывающих, так и для живущих. Общепланетный рост национального самосознания рождает и встречный рост неприятия его со стороны других, иногда более чем близкородственных народов. Следовательно, минимум крупных перемещений населения благо не только в экономическом смысле (меньше материальных и финансовых потерь и затрат), но и во всех других.

Можно предположить с достаточной долей вероятности, что политическое решение о создании многотерриториальной национальной автономии, тем более разных степеней, в силу ее непривычности вызовет возмущение в том смысле, что общенациональные интересы связаны с конкретной территорией, создающей единство национальных интересов, традиций, языка, культуры, религии, системы взглядов. Нужно сказать, что опровержение этого содержит сама история греков. Тысячелетняя практика полисного расселения, конечно, с сохранением политических, экономических, духовных, родственных или иных связей, подтверждает возможность сохранения народом осознания себя общенациональной общностью. Можно сказать, что исторический опыт греческого народа подтверждает реальную возможность создания многотерриториальной автономии советских греков.

Для придания идее возможности многотерриториальных национально-территориальных государственных образований в рамках Союза ССР окончательного вида, ее нужно дополнить положением о том, что в целях обеспечения полного объема политических прав народов, не имеющих (на сегодняшний день) национально-территориальных автономных образований, будет предоставлено право объединяться, создавая ассоциацию, политически равноправную союзной республике.

Государственность исключительно важная, но все же часть проблемы полной реабилитации советских греков и других народов, попавших под репрессии тридцатых, сороковых и начала пятидесятих годов. Повернуть историю вспять невозможно, как невозможно изменить прошлое, но постараться залечить духовные раны необходимо. В свое время В. И. Ленин писал о том, что народам, пострадавшим от русского колониального угнетения, необходимо оказать помощь для полной ликвидации последствий угнетения. Конечно, имеется в виду не только материальное содействие. В сходном положении оказались репрессированные народы, которым при-

вивалось в течение десятилетий чувство неравноправности, гражданской, в самом широком смысле этого слова, неполноценности. Не только застой в области культурной и духовной жизни, но и в значительной степени деградации национального, притом не в пользу интернационального, а в пользу надуманного плана искусственного формирования групп наций по названиям территориальных образований. Происходило их превращение не в советский народ, а в аморфную безнациональную массу. Задача гуманного общества не просто восстановить достигнутый 50—60 лет тому назад уровень национально-экономического, культурного, духовного развития греков, но и создать условия для преодоления возросшего за эти десятилетия отставания от наиболее развитых народов страны. В свете этой большой, трудной, но благородной задачи социалистического общества в период перестройки первым и основополагающим шагом является полная политическая реабилитация народов, репрессированных в период культа личности и воссоздание или создание их государственности. Политическая реабилитация объяснит прошлое, позволит не опасаться своей национальности, а гордиться ею, государственность принесет чувство уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, восстановит и укрепит чувство родины, обеспечит и гарантирует гражданские права и обязанности. Только неразрывное единство прав и обязанностей создает действительного гражданина своей страны. Только права или только обязанности создают в первом случае тунеядца, во втором — раба.

В истории развития человечества, народов, его составляющих, наблюдается закономерность — исторические рывки, прорывы в будущее наиболее полно удаются народам, включившим в научно-технический прогресс все лучшее, что было развито в национальной структуре. Беспрецедентный научный и экономический рывок Японии объясняется не только внедрением новейшей технологии, но и ее слиянием с национальными особенностями японского народа, его духовными, культурными, идеологическими ценностями. В рамках рассматриваемого вопроса нужно сказать, что после решения двух первых задач по восстановлению прав репрессированных народов потребуется приложить все силы для воссоздания их национальной самобытности и только после этого возможно быстрое продвижение вперед во всех сферах деятельности. Высокая продуктивность про-

изводства не только материальных, но и духовных ценностей, их ускоренное воспроизводство для национально-территориальных автономий как существующих, так и предполагаемых будет решаться быстрее, и легче, когда в планах создания и развития автономий будет заложен принцип опережающего национального возрождения. При этом ни на секунду нельзя забывать об опасности превращения национального в националистическое и, следовательно, нельзя решать национальные вопросы, не предпуская им интернационалистическое воспитание, только в теснейшей связи интернационального и национального — заслон национализму.

Как может затронуть предполагаемое создание национально-территориальных образований, греческое население Абхазской АССР? Серьезные изменения этнического состава населения Сухуми, Сухумского и Гулрыпшского районов, т. е. основной зоны расселения греческого населения до депортации 1949 г., заставляют признать, что образование даже национального района лишено практической базы. Как уже отмечалось, численность греческого населения Абхазской АССР в абсолютных цифрах уменьшилась с 1949 г. более чем в 2,5 раза, а относительная — в 4 раза, что исключает саму постановку вопроса, особенно если учесть, что выезд как за границу, так и в другие районы страны продолжается. Исходя из группировки населения теоретически возможно образование лишь одного национального сельсовета. Но и этот минимальный шаг совершенствования советского общества в области национальных отношений, возможно, поможет стабилизировать, точнее уменьшить эмиграционные настроения. Второе — и возможно не менее нужное — это деятельность региональной организации Всесоюзного общества советских греков как общественно-политической и культурно-просветительной организации. Она может стать тем стабилизирующим фактором, который позволит не на словах, а на деле грекам Абхазской АССР почувствовать себя полноценными гражданами, живущими (видимо, можно так сказать) на своей исторической родине. Сказанное никак не затрагивает другие народы, для которых Абхазская АССР также стала родиной.

Как культурно-просветительной организации региональному подразделению ВОСГ предстоит создать культурный центр, обеспечивающий большинство духовных и культурных потребностей греческого населения. Пред-

стоит продолжить работу по сохранности языка как путем преподавания его (что уже делается), так и путем издания периодики и литературы на греческом языке, развивать самостоятельные коллективы, сделать постоянно действующим народный театр, т. е. обеспечить ускоренный рост национальной интеллигенции, что в свою очередь ускорит рост советской греческой культуры, без чего трудно говорить о народе как развивающейся самобытности.

Как общественно-политическая организация Абхазское региональное подразделение Всесоюзного общества советских греков будет иметь возможность представлять и защищать интересы греческой части населения в Верховном Совете Абхазской АССР городских, районных и сельских Советах как в качестве полномочного их представителя, так и через народных депутатов, поскольку в соответствии с законом общественным организациям дано право выдвигать кандидатов в депутаты.

Совокупность действий региональных организаций общества и наличие национальных территориальных образований всех уровней при поддержке более крупных как общественных, так и национально-территориальных автономий советских греков: культурный обмен, решение вопросов подготовки кадров и, наконец, просто социальная, экономическая, политическая и национальная защищенность позволяет освободиться или хотя бы уменьшить тяжесть воспоминаний о годах репрессий у старшего поколения и исключает возможность возникновения таковых у самой молодой части населения советских греков. Старшие, хорошо помнящие прошлое, должны приложить все силы, чтобы этот кошмар не мог повториться, обезопасить будущее от новых депортаций и спецпоселений как по национальному, так и по любому другому признаку, освободить сердце потомков от страха и особенно от страха и неприязни к человеку другой национальности.

Для этого составной частью Всесоюзного общества советских греков и его региональных организаций достойное и заметное место должна занять организация деятельности по подготовке и изданию работ, посвященных истории советских греков, изучению их вклада в историю России и особенно в историю Союза ССР. Надорванные листы истории советских греков, в частности греков Советской Абхазии, нуждаются в восстановлении.

Читателю книги совсем не безразлично, кем она написана, какое отношение ее автор имеет к теме изложения; какой след оставлен им в науке, культуре, просвещении. Вместе с тем очень важно и то, какие настроения и ассоциации возникли у тех, кому довелось первыми (еще в рукописи) знакомиться с содержанием предлагаемой книги.

Николай Николаевич Иоаниди — коренной сухумчанин (его деды еще в начале века трудились ради процветания города), выпускник Московского историко-архивного института, ныне заместитель начальника Архивного управления при Совете Министров Абхазской АССР, автор ряда исторических и архивоведческих книг и статей. Мне приходилось рецензировать немало интересных его рукописей, часть которых (например, книга об ацангуарах), к сожалению, так и не увидела свет. Тесная связь Н. Н. Иоаниди, грека по национальности, интернационалиста и доброго человека по своей сущности, с Абхазией и ее людьми постоянно ощущается в книге. Автор был свидетелем и объектом многих перипетий, выпавших на долю героев этой книги, что повышает ее информативность и дает возможность довести до читателя не только факты, но и настроения своего народа, его переживания и боль.

Когда мне было предложено редактировать представляемую книгу, я согласился без колебаний — слишком многое меня связывает и конкретно с автором (здесь и многодневный поход по склонам Гуарана в 1964 году, и сопредседательство в Сухумском обществе интернационалистов, и другое), и вообще с греческим народом. Помимо прямого родства, отмеченного документами XIX века, с греческими фамилиями Гаврино, Саккилари и др., меня объединяют с этим народом и мое детство, и значительная часть моих научных изысканий.

Впечатления детства могут служить дополнительным штрихом в освещении проблем, рассматриваемых в книге Н. Н. Иоаниди. До 1949 года мне довелось жить среди греческого населения Цебельды — потомков арендаторов моей прабабки, поселившихся на территории ее имени в конце XIX века. Три греческих села было основано на этой территории, двум из которых (Нижняя и Верхняя Юрьевки) их жителями было присвоено имя моего двоюродного деда Ю. Н. Воронова, а в целом

микрорайон получил у арендаторов название Горонава (от греч. «горон» — «ворон»). Сегодня «горонавские» греки, прошедшие через Казахстан, и их потомки, в своем большинстве живут в Греции, где пользуются известностью как особая община, имя которой носит, в частности, одна из главных улиц Ахарне вблизи Афин. Трогательно-благодарная память греков не случайна — в нашей усадьбе они десятилетиями получали образованье, медицинскую помощь, экономическую и социальную поддержку, в свою очередь оказывая всестороннюю помощь семье в трудные 20—40-е годы...

Мне остро памятен 1949 год. Раны Великой Отечественной войны заживали и окрестные греки. Руководили колхозом brave фронтовики в потертой форме и медалях, стремившиеся использовать восстановительный момент для организации нормальной человеческой жизни. На многогектарных бахчах созревали огромные арбузы, греческие парни, швыряя друг в друга красными ломтями, облепляли листву трехметровой кукурузы арбузными косточками. Цебельдинский рынок ломился от продуктов, гремели взрывы на строительстве шоссе от Цебельды к Верхней Юрьевке на гору Апианча, начали завозить столбы и тянуть провода — обещали в скором будущем электричество, заговорили о водопроводе...

А затем в памяти — вооруженные люди, также в военной форме, сгонявшие греков на поляну перед нашей усадьбой, огромная толпа плачущих женщин и детей, подавленных мужчин. Особенно близок я тогда был с кузнецом, седым и мудрым человеком, неоднократно делавшем мне нехитрые игрушки. Последний раз в жизни войдя в кузню, он потрогал меха, звякнул молотом по наковальне, глубоко вздохнул. Мяукнула кошка, и кузнец вдруг обрадовался: «Вот кого я возьму с собою!» У кошки своя история: во время землетрясения 1948 года рухнул один из домов нашей усадьбы. Кузнец помогал расчищать завалы стен и, обнаружив в них живого котенка, забрал его к себе в кузню. Теперь он посадил кошку на левое плечо, махнул мне на прощанье рукой и слился с толпой... Несколько часов затем я наблюдал с дерева, как по серпантину дороги от Цебельды к Сухуму по склону горы Приха двигались грузовики с людьми, и их натруженный гул навсегда остался звучать в моих ушах. Последующие дни я ходил по Юрьевкам, открывал скрипучие дощатые двери (они запирались на деревяшки и веревки), смотрел на земля-

ные очаги посреди комнаты, скудную утварь на полках, сколоченную крестьянскими руками «мебель» и пытался понять, за что... В округе же говорили разное: за то, что хранили греческие паспорта, за то, что замыслили присоединить Цебельду к Греции, за то, что обидели Сталина и Берию... Среди армянского и русского населения пошел упорный слух, что следующими в Казахстан должны увезти их с абхазами.

Осталась в памяти и такая картина. У нашего дома стоял огромный орех (ствол в шесть мужских обхватов), видевший еще махаджирство. С ним у местного населения была связана легенда, что Вороновы будут здесь жить до тех пор, пока жив орех. И вот, спустя некоторое время после ухода греков, под деревом появилась группа мужчин с топорами, пилами и бочонком вина. Мы — мои бабушки, мать и я с малолетними братьями — затаились в доме, наблюдая происходящее через щели в занавесах. Полдня трудилась ватага, попивая вино, недобро поглядывая в сторону наших окон. Мы приготовились к худшему (психология «русских помещиков» в те годы — особая тема!). Свалив орех, удовлетворенные «лесорубы» ушли, а через несколько дней, не выдержав угроз, моя мать, взяв с собой 80-летнюю свою тетю, меня и пятилетнего брата, бежала на Северный Кавказ, стремясь опередить выселение. Запомнилось многое — и забитые народом теплушки поездов, и разбомбленная фашистами громада Армавирского вокзала, и бричка, увозившая нас в степь, из-за края которой в лунном свете искрился Эльбрус...

Через год нам пришлось вернуться. А затем была Цебельдинская школа № 3, где довелось наблюдать жестокое обращение с детьми (ученика хватали за волосы, плевали ему в лицо, затем ударяли лицом о парту, и так несколько раз, пока слюна, кровь и слезы не формировали маску) из Георгиевского (по причине бездорожья оттуда греков выслать не успели), и Сухумская средняя школа № 3, где моим учителем истории оказался Харлампий Иванович Попандопуло, в прошлом кадровый партийный работник, прошедший через камеры пыток и концлагеря, называвший свои уроки лекциями, требовавший их конспектирования, как и учебников... Прекрасный был педагог и человек, за что и мучился всю жизнь. А поводом в немалой степени служило... греческое происхождение.

Н. Н. Иоаниди хорошо проследил в своей книге путь

греков Абхазии к физическим и моральным репрессиям. Однако греки в нашем регионе были репрессированы еще и исторически — путем изъятия (с помощью выполнявших волю политиков ученых) вклада их и, особенно, их далеких предков в местную историю и культуру. Еще в период учебы в Ленинградском университете (там мне преподавала древнегреческий язык С. В. Полякова) — я был хорошо информирован (А. А. Иессен, И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский, А. И. Болтунова, Б. А. Латынин, а в Абхазии — Л. Н. Соловьев) о том кризисе, который с 30-х годов переживало историческое кавказоведение, в том числе и в аспекте истории греческой колонизации Восточного Причерноморья и местных греческих поселений. Запомнилась и становившаяся тогда популярной среди античников шутка: «Греческую колонизацию на своей территории не признают три страны: Турция, Албания и Грузия».

Мой дальнейший четвертьвековой путь — от студента до доктора наук — был основательно окрашен борьбой за выживание как специалиста, стремившегося к обоснованному осмыслению в первую очередь местного и средиземноморского вклада в восточно-причерноморскую историю. Всякий раз, когда я поднимался на трибуны республиканских, всесоюзных и международных конференций и отстаивал свою позицию по вопросу обстоятельств греческой колонизации побережья, требуя исследований интенсивно уничтожавшихся античных памятников Абхазии, я, встречая сопротивление коллег, видел перед собой людей в форме, загонявших других людей в грузовики. И я продолжал упрямо доказывать, что выводы об отсутствии следов массового присутствия и широкого воздействия греков на местную историю далекого прошлого построены на сознательном игнорировании фактов и намеренном торможении ввода в научный оборот новых материалов, что эти выводы построены на политизированных мнениях историков как субъектов XX века, а не на беспристрастно (вненационально) осмысленных подлинниках археологии и истории, что нельзя использовать мифы, лежавшие в основе идеологии древнеэллинского общества, в том числе и идеологии древнегреческого колониационного процесса (миф об аргонавтах), в качестве основного источника для реконструкции истории аборигенного населения Колхиды, что никогда не существовало «мощного» Кол-

хидского царства, которое, по представлениям моих оппонентов, якобы препятствовало основанию на нашем побережье обычных греческих городов-апоикии, что реконструкция местной истории в античную и византийскую эпохи не может быть истинной, если игнорировать вклад — и генетический, и культурный — Средиземноморья и других смежных с Кавказом территорий, всякий раз преувеличивая заслуги своих прямых предков (в рамках нынешнего обыденного самосознания) за счет «трогательного» (как комментируют этот процесс некоторые иностранцы) присвоения достижений греков и других народов, что такое игнорирование несет на себе колоссальную безответственную нагрузку и, распространяясь через учебники, популярные издания и прессу, создает условия для межнациональных конфликтов, нарушая безопасность народов...

Я благодарен Судьбе, которая, сначала обрекая меня на мнимые (но от этого не менее наносящие боль) «поражения» в диспутах с моими недобросовестными, но административно обеспеченными коллегами (они строили свою аргументацию, как правило, на логических передергиваниях, на уходе в сторону от сути вопроса, на личных выпадах и на формировании неблагоприятного общественного мнения путем дезинформации присутствующих), затем многократно, через Его Величество Факт, выручала меня из, казалось, безвыходных ситуаций. Вот примеры. Я доказывал, что Гиенос был основан милетянами в VI веке до н. э., меня шельмовали, утверждая, что там греки появились как придаток лишь в V веке до н. э., а последующие раскопки выявили в Гиеносе (совр. Очамчира) дома милетян. Я доказывал, что Ванское городище — это город Суриум, обаянный своим расцветом в III—I веках до н. э. малоазийским грекам, меня обвиняли в невежестве, утверждая, что Вани — это колхидское святилище Левкотей, где греки могли присутствовать лишь в виде обслуживающего персонала, а раскопки обнаружили бронзовую доску, из надписи на которой следует, что Вани — это Суриум, а официальным языком горожан был «безукоризненный» греческий язык. Я разделял ту точку зрения, что Диоскуриада была основана греками-милетянами в VI веке до н. э., мне же и окружающим внушалась мысль, что название города свано-мегрельское (Диаскури) и что греки здесь появились опять же в V веке до н. э., а последующие раскопки не только выявили

милетянский пригород в Эшере, но и обнаружили понтийский импорт VI века до н. э. глубоко в горах Абхазии (Цебельда, Джантух), показав, что греки уже в середине того века взяли под торговый контроль перевальные пути...

Стремление во чтобы то ни стало перекроить историю, вырвать из нее национально неблагоприятные страницы, идущие вразрез с интересами Административной Системы, заставляло ее верных слуг идти и на внеаучную аргументацию «ущербности» отстаиваемых мною позиций (безразлично к апсилам-абхазам ли, к лазам-мегрелам ли, к грекам ли или кому другому). Среди таких «аргументов» назову 10-летнее препятствование моей работе в системе Академии наук, продолжавшееся до сих пор отсутствие необходимых условий для занятий наукой, неоднократные прямые и через подставных лиц обращения моих коллег в различные следственные органы с требованием «изоляции от науки» путем инкриминирования разного рода «нарушений», систематическое шельмование («под протокол» и др.) моих работ, приведшее с 1980 года к прекращению каналов для публикации моих книг в Москве... Иный факт — организация похищения («индурекции конквистадора» по терминологии Фазили Искандера) из издательства «Наука» рукописи моей книги «Диоскуриада — Сваностополис — Цхум», в которой я попытался в наиболее полной форме изложить свои взгляды на историю греческой колонизации на побережье Абхазии. Я восставил рукопись, книга вышла, но в продажу на территории автономной республики допущена не была. Нормальное состояние общества, в котором безответственность возведена в принцип, «национальный принцип»... Я не говорю здесь о незаслуженных оскорблениях, свидетелем которых мне пришлось быть, выпавших на долю многих моих коллег, одновременно со мной противостоявших лавине «научно-административного невежества» в той же области науки (А. И. Болтунова, Г. Ф. Дуадуа, Г. А. Лордкипанидзе, В. П. Яйленко, Ю. М. Десятчиков, Я. Боузек, Д. Браунд и много других). На их головы падал луч солнца... И мне было тепло рядом с ними.

Такова часть множества ассоциаций, вызванных у меня прочтением первой в истории региона монографии, посвященной понтийским грекам. Положение «первой» определяет и достоинства, и недоработки (их устране-

ние — дело будущего) книги. Положено доброе начало восстановлению исторической справедливости по отношению к одному из самых славных народов Причерноморья, культурно (об этом свидетельствуют памятники археологии, архитектуры и др.) и кровно (это со временем без труда докажут генетики) близкому к коренному населению современной Колхиды (особенно абхазам и мегрелам). Появление этой книги вызвано самой жизнью, перестроечными процессами, переживаемыми нашим обществом. Человека от животного отличает и память, память о своих подлинных очень сложных и многообразных корнях, память о событиях, пережитых той территорией, которая сегодня является лишь временным (в рамках очень короткой жизни) пристанищем каждого из нас. Эта память нужна всем без национального различия и без всяких изъятий как инструмент, позволяющий сегодня с обоснованной приветливостью относиться друг к другу. Такой справедливой и милосердной памяти служит и предлагаемая вниманию широкого читателя новая книга Н. Н. Иоаниди.

Ю. Н. Воронов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Очерк 1. Предыстория	7
Очерк 2. Греческое население города Сухума и его окрестностей в XIX — начале XX веков	14
Очерк 3. В Советской Абхазии. 1921—1938 гг.	39
Очерк 4. 1949 год	51
Очерк 5. 1956—1957 и другие годы	60
Очерк 6. Настоящее греческого населения и перспективы его развития	79
Послесловие редактора	80

Николаи Николаи-ица Иоаниди
АБЫРЗЕНЦӘА АҦСНЫ
АҦснытәи АССР иихо абырзенцәа
рцоурых аочерккуа
Урысшәала

ნიკოლოზ ნიკოლოზის ძე იოანიდი
აბრეშენი აზნაუნთი

აფხაზეთის ასსრ ბერძენი მოსახლეობის ისტორიის ნარკვევები
რუსულ ენაზე

Николай Николаевич Иоаниди
ГРЕКИ В АБХАЗИИ
Очерки истории греческого населения
Абхазской АССР

Редактор О. В. Винокурова. Оформление Л. И. Евменова. Художественный редактор П. Г. Цквитария. Технический редактор Л. И. Евменов. Корректор А. А. Мхитарян.

Сдано в произв. 10.09.90 г. Подп. к печ. 5.10.90 г.
Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Физ. печ. л. 2,75.
Усл. печ. л. 4,62. Усл. кр.-отт. 4,82. Уч.-изд. л. 4,83.
Тираж 2 000. Заказ 4259. Цена 70 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография Управления по печати при Совете
Министров Абхазской АССР, Сухуми, ул. Эшба, 168.

